

ВЕСТНИК

МГГУ им. М.А. Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

4
2013

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Москва
2013

УДК 800
ISSN 1992-6375

4.2013

Издается с 2002 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:

www.mgou.ru
Подписной индекс
36733
в основном каталоге
Роспечати

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
им. М.А. Шолохова

Серия «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Редакционная коллегия

Н.Д. Котовчихина – *гл. редактор*,
Т.Ю. Журавлева – *зам. гл. редактора*,
Т.А. Ерофеева – *отв. секретарь*,
Е.И. Диброва, Л.И. Шевцова,
Н.А. Литвиненко, Р.Б. Сабаткоев,
А.С. Калякин

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых журналов и изданий ВАК

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Исакова А.Н.*
Идеал свободы и драма свободы в поэзии С. Куняева 5

ЛИНГВИСТИКА

- Воложанина Ю.В.*
Декодирование авторского ракурса в английском лимерике
и эпиграмме 12
- Кошечкина И.Г.*
О соотношении форм и значений внутренней и внешней речи 18
- Кузьмина М.А.*
Обращение как составляющая часть рамочной конструкции 24
- Кунакина М.С.*
Особенности передачи глагольных форм при переводе
англоязычных тэглайнов на русский язык. 31
- Лапинова А.В.*
Соотношение топонимической и антропонимической систем
в категориях тождества и выделяемости 37
- Манучарян Р.С.*
Оформленность русских прилагательных и их разряды
в характерологическом аспекте. 43
- Руссу А.Н.*
Вариантные формы англо-американских глаголов
в современном немецком языке 49
- Свиридова Л.К.*
Категория тождества в процессе осознания объекта 58
- Себряков А.Н.*
Антропонимические репрезентанты афроамериканского сообщества
в американском варианте английского языка 62
- Семина М.Ю., Трофимова Н.А.*
Способы перевода безэквивалентной лексики с английского языка
на русский в текстах экономической тематики 67

МЕТОДИКА

Варенина Л.П.

Методика расширения словарного запаса с опорой на семантику согласных 72

Наволочная Ю.В., Чеkun О.А.

Развитие иноязычного письменного дискурса студентов-бакалавров посредством социальных сервисов. 75

Сороковых Г.В.

Проектирование креативной иноязычной образовательной среды вуза как научная проблема 79

Сысоев П.В.

Основные направления информатизации языкового образования. . . . 83

Яцуга Т.Е.

Подготовка педагогических кадров для обучения русскому языку как неродному: опыт решения проблемы в Кемеровской области . . . 95

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ 101

НАШИ АВТОРЫ. 106

CONTENTS 108

ПАМЯТКА АВТОРУ 114

А.Н. Исакова

Идеал свободы и драма свободы в поэзии С. Куняева

Автор считает, что в поэзии С. Куняева проблематика свободы воплощается через мотивы внутренней независимости героя и его стихийной вовлеченности в бытийные процессы. Герой Куняева извлекает из драматизма и трагедийности жизни энергию становления, волю к совершенствованию. Мотив внутренней независимости и стихийной вовлеченности в поток жизни составляет диалектическое ядро в поэзии С. Куняева.

Ключевые слова: поэзия С. Куняева, мотив внутренней независимости в творчестве С. Куняева, национально-историческая проблематика, идеал свободы, русский централизм.

Станислав Куняев – поэт второй половины XX в., времени принципиальных мировоззренческих трансформаций, когда из общественного сознания стали вытесняться идеологические догмы. Это сообщало лирике Н. Рубцова, А. Жигулина, Ю. Кузнецова, С. Куняева атмосферу особой непринужденности.

Однако принцип и идеал творческой свободы не означает своеволия. Восхождение к свободе осуществляется через причастность к универсальным и национальным ценностям. При этом контакт с жизнью не исчезает, а обостряется. Свобода есть предпосылка и цель деятельности художника. Она есть условие общения с миром и высшая ценность. «Вдохновение и переживание собственной творческой свободы обретают у художника форму пристального всматривания, вчувствования, вслушивания, чему нередко сопутствует ощущение своей подчиненности чему-то вовне находящемуся, мощному, неотвратимому и поистине благому» [3, с. 61].

Ценность свободы для Куняева безусловна. Лишь свобода открывает путь к совершенству. Но идеал свободы неотделим от сопутствующего ей драматизма. Свобода у Куняева достигается наращиванием связей и взаимодействий с миром. Его лирический герой бесстрашно переносит противоречия и конфликты бытия. Они становятся содержанием его жизни, повторяются в его душе. Герой извлекает из драматизма и трагедийности жизни энергию становления, волю к совершенствованию. Но безоглядная вовлеченность героя в стихийные процессы бытия может теснить внутреннюю независимость героя.

Мотив внутренней независимости и стихийной вовлеченности в поток жизни составляет диалектическое ядро в поэзии С. Куняева. В стихотворении «В окруженье порожистых рек» (1967) поэт с горечью признает, что стихийные силы сильнее человеческих возможностей, например, «сильней самой нежной и преданной дружбы». Но это не является основанием для отказа от единоборства со стихийными силами. Поэт мужественно провозглашает: «...на друзей до конца не надейся». Перевес стихийных сил не оправдывает человеческой слабости, а побуждает к стойкости.

Поэтизацию внутренней независимости героя мы наблюдаем в стихотворении «Пучина каспийская глухо». Поэтика С. Куняева отличается сопряжением жестких физических реалий с их философским осмыслением. Выразительны картины каспийской пучины, бьющей «о плиты бетонные», «спаленного дотла материка». При встрече с этими грозными стихиями герой предстает неувязимым:

*Нет, я еще все-таки молод,
Как прежде, желанна земля,
Поскольку жара или холод
Равно хороши для меня... [2, с. 155]*

Всеобъемлющее расположение к жизни можно объяснить неиссякаемой внутренней энергией героя, тем, что он предпочитает подлинное счастье престижным соблазнам. Емкий философский смысл концентрируется в финальных строках стихотворения:

*Я понял, что славу и счастье
Нельзя совместить ни за что,
Что пуце неволи охота,
Что время придет отдохнуть...
И древнее слово «свобода»
Волнует, как в юности, грудь [Там же].*

Слова «неволя» и «свобода» образуют лексический оксюморон, но по смыслу они составляют диалектическое тождество. Ведь именно неволя,

т.е. безоговорочная и безраздельная приверженность подлинной жизни, и служит источником свободы.

Чувства и мысли поэта и его героя разворачиваются в широком диапазоне от гордого, иногда надменного, иногда сентиментального переживания своей самодостаточности до готовности слиться со стихийными силами бытия. Он заморожен этими первородными началами и не мыслит себя вне высокой культуры, вне духовных исканий русской классики.

В стихотворении «Случай на шоссе» (1973), автор размышляет об антагонизме технического прогресса и природы. Герой, «попавший на хорошую трассу», стал виновником гибели птицы, но удерживается от жалости к ней, т.к. признает неотвратимость технического прогресса:

*Я – в машине, а значит, не волен
Изменить предначертанный путь...
Как хотите, а я не виновен:
Все равно бы не смог отвернуть... [2, с. 226].*

Л.Г. Баранова-Гонченко писала: «Если излишняя организованность и жесткость дают себя знать в стихах Куняева, то их можно воспринимать только как сопротивление хаосу. Он понимал противоречия, он отражал противоречия, но никогда не позволял им разрывать себя на части, выставляя как щит свою природную силу и энергию» [1, с. 8].

Наоборот, в стихотворении «Озеро безымянное» (1976) лирический герой Куняева отстраняется не только от цивилизации, но даже от собственной судьбы. Он растроган и очарован северной природой:

*Пусть останется с миром вдвоем
Без меня на закате багряном
И лепечет о чем-то своем
Безымянная над Безымянным [2, с. 182].*

Многослойными представляются нам композиция и содержание стихотворения «Не дочитав одну из важных глав» (1975). Воспоминания о некогда пойманной форели пронзают героя такой ошеломляющей реальностью, что перед этой реальностью отступает искусство и герой прекращает чтение книги. Он помнит встречу с подлинной жизнью: *Горящие глаза! Оскаленная пасть! Литое тело!* [Там же, с. 129]. И вот эту стихию жизни, исполненную силы и красоты, герой пытается присвоить, эгоистически восторжествовать над нею. Подобное состояние представлено как нравственный провал. Самоосуждение героя обозначено такими деталями, как «горечь во рту», «трясущиеся руки». Но он выходит из душевного помрачения, ощущая высокую благодарность за великий дар жизни:

*Спасибо, жизнь, за этот царский дар,
За твой побег в сверкающие воды,
Благодарю за пенящийся след,
Твоей беглянки, дочери, форели,
За то, что нам горьки плоды побед
И незабвенны сладкие потери!* [2, с. 129].

Антропологический, универсальный уровень проблемы свободы органически связан в поэзии Куняева с национально-историческим содержанием этой проблемы.

В сложном, многоуровневом стихотворении «Князь Дмитрий» (цикл «Голоса с Куликова поля», 1980) С. Куняев затрагивает национально-исторический и морально-политический аспект феномена свободы. В основе стихотворения – мотив героизма и жертвенности, победы и платы за нее. Даже к величайшим событиям истории отношение народа не оказывается всеобщим и тождественным. Куняев вводит в стихотворение мотив вдовьих страданий, сиротских слез, жертв, не окупающих исторического результата Куликовской битвы:

*Ты бросил вызов страшной силе,
Но берегись, когда сомнут,
То вдовы-матери России
Тебя угрюмо помянут

За то, что землю обездолил,
За то, что всех осиротил,
За то, что море крови пролил –
И все-таки не победил...* [Там же, с. 55].

Если В. Высоцкий в знаменитом стихотворении посчитал неуместными вдовьи рыдания на братских могилах, то Куняев и через 600 лет слышит этот плач на всеобщей русской тризне. Причем несчастные жены у Куняева имеют высокий титул «вдов-матерей России». Их упрек Дмитрию Донскому тяжок и мучителен, несмотря на то, что он «бросил вызов страшной силе». Лирический герой понимает сокрушительность этих жалоб, но верит, что их можно вынести и стерпеть.

Мотив великой жертвы и недостигнутой победы звучит в стихотворении дважды: *море крови пролил – и все-таки не победил; что смерть – когда нужна победа!*. В первом случае акцентируется трагическая вина князя Дмитрия, во втором – искус героической смерти. Причем этот искус внушен Дмитрию не его эгоистическим выбором, а народной мудростью: на миру и смерть красна.

Но Дмитрий Донской возвышается и над чувством вины, и над искусом «прекрасной» смерти. Он испытывает подъем духа, проникаясь чувством слитности, единения с народом. Это и его личный выбор, и, может быть,

самое главное – это милость судьбы. Князь Дмитрий готов «иль победить, иль прахом лечь» [2, с. 55]. Прахом лечь – это нечто совсем другое, чем «прекрасная» смерть на миру. Это полная самоотрешенность, слитность с высшей целью, что и предопределяет победу.

Таким образом, Куняев раскрывает в стихотворении «Князь Дмитрий» и внутреннюю борьбу в сознании народа, и борьбу в сознании русского вождя, и борьбу в сознании лирического героя. Борются не тривиальные добро и зло, а фундаментальные стихии духа и бытия. Итоговая позиция князя Дмитрия не отрицает ни вдовьих слез, ни православного чувства вины, ни народной мудрости о «прекрасной» смерти на миру. Диалектика авторской мысли воплощается и сентенциозно, и через изощренную композицию произведения. В стихотворении звучат несколько нераздельных и одновременно самостоятельных голосов. Лирический герой обращается к князю Дмитрию, а затем его голос сливается с монологом-воззванием самого русского вождя. А в финале лирическим героем становится и весь русский народ:

*Довольно гнутья над корытом,
Тебе дарованным судьбой, -
Есть счастье жить в бою открытом,
Ты заслужил открытый бой!*

С. Куняев подтверждает в стихотворении «Князь Дмитрий», что мотив великой жертвы и недостигнутой победы относится к самому ядру русской истории и русского национального характера. Противоречие между великой жертвой и недостигнутой победой разрешается и в русской истории и в русском искусстве величайшим напряжением сил, обретением внутренней свободы благодаря слитности с народным целым. «Благодарю судьбу за милость быть в этот час в одном строю с народом...» [Там же] – это безусловный центр куняевской историософии. «Поэту важно каждую секунду сверять биение своего пульса по державным часам Отчизны, важно чувствовать себя ей нужным – пусть безымянным, анонимным, не замечаемым с горних высот, но – нужным» [4, с. 194].

Тема русского безрассудства, необузданных порывов народной души раскрывается Куняевым в стихотворении «Был Дмитрий Самозванец не дурак» (1975). Народ взбунтовался против закона, предался «гневной смуте и кровавой пьянке», но удержался на краю бездны, не расступился перед польскими интервентами:

*Пойти под плети и на плаху лечь,
Поджечь свой двор, и все начать сначала...
Он был храбрец...
Но чтоб чужая речь
На древней Красной площади звучала?!*

Народ не может стерпеть оскорбления своей духовности (звучит чужая речь) и своей государственности (чужая речь звучит «на древней Красной площади»). Это двойное оскорбление – духу и государству – вызывает сокрушительный отпор.

Русский централизм – это результат исторического союза народа и государства, обеспеченного мессианской целью. В русском централизме, в подчинении государству не гаснет потенциал народной дерзновенности, творческой и исторической инициативы. Основу стихотворения «Вновь смута. Буйствует народ...» составляет мотив необузданной свободы и исторической миссии. Народное своеволие, сиюминутные страсти укрощаются самодержавной властью Петра. Куняев контрастно соотносит неправоту народной стихии и державную, властительную правоту императора. Народ развенчан и сентенциозно («Вновь смута. Буйствует народ»), и посредством сравнения («Шумит, как море в непогоду») [2, с. 67]. Уподобление морю и непогоде свидетельствует о том, что народ теряет идентичность, предается чему-то чужому и опасному.

Образно-эстетически, символически обозначены две перспективы русской судьбы: катастрофическая – взбунтовавшийся народ мог «предъявить миру» смуту, буйство; спасительная – государство «Россию предъявило миру» и создало почву для пушкинского гения. Сиюминутная, локальная потребность народа в свободе не удовлетворена, но благодаря этому реальностью становится Россия как мировая держава и Пушкин как национальный гений.

В стихотворении «В звуках земли и небес» (1979) «здравый инстинкт государства» расценивается Куняевым как глубоко укорененный в природе человека, соответствующий родовым отношениям, например, между отцом и сыном. Начальная строфа стихотворения звучит дерзко и вызывающе:

*В звуках земли и небес,
В клятвах любви и коварства –
Всюду найдет интерес
Здравый инстинкт государства* [Там же, с. 68].

Куняев касается таких вопросов, которые не решаются затрагивать другие поэты. Для привычного восприятия «звуки земли и небес» плохо сопрягаются с понятием «интереса», тем более государственного. В первом случае речь идет о сокровенном, изначальном, а во втором – о государстве как о результате общественного соглашения и баланса интересов.

Таким образом, проблематика свободы раскрывается в поэзии С. Куняева как в индивидуально-личностном, антропологическом, так и в национально-историческом аспектах. Этому соответствует то принципиальное

обстоятельство, что лирическим героем выступает у Куняева и авторское «я», и целый народ. Проблематика свободы воплощается через эстетические и идейно выразительные мотивы внутренней независимости героя и его стихийной вовлеченности в бытийные процессы. И герои, и народ извлекают из жизненных и исторических драм энергию борьбы и волю к совершенствованию. С. Куняев показывает, как в личной судьбе и в историческом процессе правда и здравые инстинкты берут верх над своевољством, смутой и безрассудством. В образно-символической системе Куняева органически совмещаются жесткие реалии с их философским осмыслением, экзистенциальная проблематика и напряженные историософские размышления автора о судьбах России.

Библиографический список

1. Баранова-Гонченко Л.Г. «Как бы земного счастья след...». М., 1988.
2. Куняев С.Ю. Озеро Бымянное: Книга стихов. М., 1983.
3. Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. 2-е изд. М., 2000.
4. Чупринин С.И. Крупным планом. М., 1983.

Ю.В. Воложанина

Декодирование авторского ракурса в английском лимерике и эпиграмме

Статья рассматривает процесс декодирования авторского ракурса в двух близких по своей сущности жанров английской литературы – лимерике и эпиграмме. В этом аспекте анализируются интегральные и дифференциальные признаки жанров, раскрывающие особенности их построения на поверхностном и глубинном уровне. Особое внимание уделено рамочно-структурной оформленности произведений и их сюжетному построению. В статье сделан акцент на роль лингвистической категории тождества в процессе реализации авторского ракурса.

Ключевые слова: лимерик, эпиграмма, структурная рамка, сюжетная перспектива, инвариант, категория тождества, авторский ракурс.

Осуществление декодирования авторского ракурса в произведениях двух форм малого поэтического жанра, английском лимерике и эпиграмме, подразумевает раскрытие интегральных и дифференциальных признаков поверхностного и глубинного макета их построения.

Лимерик, будучи исконно английским жанром, обладает строго регламентированными требованиями к внешнему оформлению и содержанию. Так, лимерики Эдварда Лира и его последователей традиционно насчитывают пять строк, содержание которых буквально расписано построчно и представляется в следующем виде: первая строка вводит имярек из определенной страны или местности, последующие – главное событие лимерика, заключающееся в раскрытии необычности героя, последняя строка представляет собой частичное повторение первой. При этом основной посыл лимерика – создание комического эффекта, который достигается путем использования нонсенса [6, с. 6].

*There was an Old Man, who when little,
Fell casually into a kettle;
But growing too stout,
He could never get out,
So he passed all his life in that kettle.*

Анализ поверхностного уровня текста данного лимерика позволяет выявить особенности его рамочно-структурного оформления. Так, вводная часть *There was an Old Man ...* (Один неуклюжий малец), данная в первой строке, будучи традиционной для множества лимериков, является так называемым зачином и представляет героя читателю. Центральная часть – вторая, третья и четвертая строки – описывают главное событие (*Упал в котелок сорванец. / Он выбраться быстро хотел, / Но так растолстел*). Заключительная часть, представленная в пятой строке, – неожиданный поворот событий (*Что там и остался малец*), который имеет ретроспективную направленность, заставляя читателя вернуться к вводной части и переосмыслить содержание первой строки, определиться со своим отношением к герою с учетом той оценки, которая уже дана автором, изначально выбравшим жанр, произведения которого часто воспринимаются как нелепые шутки. Таким образом, имеет место некая цикличность процесса декодирования замысла автора, исходя из заданной структуры лимерика.

Достижение комического эффекта может осуществляться не столько с помощью нонсенса, сколько за счет использования изощренных стилистических средств, среди которых графические, фонетические, орфографические, лексические [4, с. 77].

*A thrifty young fellow of Shoreham
Made brown paper trousers and woreham;
He looked nice and neat
Till he bent in the street
To pick up a pin; then he toreham.*

Несмотря на отсутствие привычного зачина *There was ...*, вводная часть рамочной структуры данного лимерика не теряет своей функциональности, она также напрямую называет героя (*экономный паренек из Шорхема*). Последующие строки повествуют основное содержание (*сшил бумажные брюки, стал их носить, смотрелся красиво и опрятно, пока не нагнулся на улице*), а вот заключение содержит не только неожиданный поворот, но и раскрывает смысл эпитета *thrifty*, который теперь приобретает насмешливый характер, смысл может быть наглядно передан в русской поговорке «Скупой платит дважды». Для соблюдения регламента рифмовки и метрики лимерика автор вводит стилизованную лексику в

виде новых слов: *woreham* как производное от словосочетания *wore them* и *toreham* как производное от *tore them*, где произошла подмена *them* на *ham* для рифмовки с *Shoreham*. Тем самым автор вновь возвращает читателя к первой строке. Итак, наблюдается цикличность процесса расшифровки смысла, заданного автором.

Отдельно целесообразно остановиться на особенностях сюжетной перспективы лимерика. Отличительной особенностью жанра является отсутствие сюжетной перспективы как таковой в силу малого размера произведения, что говорит о том, что текстологическое изложение кодово-схематического макета авторского ракурса осуществляется с помощью инварианта, в котором сконцентрирована микротема лимерика [2, с. 125]. Так, вариативный остаток лимерика, приведенного ниже, позволяет выделить инвариант *love*:

*Love is a pretty pedlar
Whose pack is fraught with sorrows,
With doubts and fears
With sighs and tears,
Some joys – but those he borrows.*

Как видно, декодирование авторского ракурса осуществляется в соответствии с восприятием микротематической речевой ситуации, созданной вокруг инварианта *love*, при этом от читателя не ускользает некая ироничность значения, выраженная не столько выбором лексических единиц, сколько самого жанра.

Итак, линия авторского ракурса формирует общесодержательный макет произведения вокруг одного инварианта. При этом можно утверждать, что структурная оформленность лимерика сохраняет свою целостность, что позволяет ей выступать в качестве одного из характерных признаков данного жанра.

Английская эпиграмма в силу размытости границ своего объема (2–16 строк) не может быть охарактеризована определенным типовым рамочно-структурным оформлением, в отличие от лимерика. Здесь речь идет лишь об одном главном критерии, наличие которого характеризует жанр в целом, – неожиданная концовка, так называемый пуант, но является ли он центральным звеном структуры или же принадлежит заключительной части, напрямую зависит от количества строк эпиграммы. Очевидно, чем объемнее произведение, тем наполняемость рамочной структуры полнее [1, с. 66].

Эпиграмма Сэмюэла Тейлора Кольриджа наглядно иллюстрирует вышеизложенную мысль как своим содержанием, так и внешним поверхностным оформлением. Несмотря на наличие лишь центральной смыс-

ловой части, данное произведение сохраняет все особенности, присущие эпиграмме:

*What is an epigram? A dwarfish whole,
It's body brevety, and wit its soul..*

Данный образец эпиграммы лишен зачина, однако представлен центральной частью в первой, второй и третьей строке и заключением в последней строке, представляющим из себя вывод-оценку автора:

*Some can gaze and not be sick
But I could never learn the trick.
There's this to say for blood and breath;
They give a man a taste for death.*

Известная цитата Бенджамина Франклина обладает явной эпиграмматичностью:

*Little strokes
Fell great oaks.*

Несмотря на минимальные размеры высказывания, в силу наличия концентрированного смысла при экономии речевых средств, данное высказывание может быть названо минитекстом с усеченной структурной рамкой без вводной и заключительной частей.

Очевидно, эпиграмма характеризуется неоднородностью своей структурной оформленности, однако для всех произведений неизменным остается факт наличия центральной части, в которой концентрируется смысл, а иногда, в случае двухстрочных произведений, содержится и пуант.

Что же касается сюжетного построения эпиграммы, то здесь прослеживается определенная схожесть с лимериком. Для эпиграмм, обладающих малыми размерами, линия авторского ракурса также вырисовывается с помощью инварианта.

*Sir, I admit your general rule,
That every poet is a fool,
But you yourself may serve to show it,
That every fool is not a poet.*

Инвариантное значение *poet* раскрывается в данной эпиграмме путем использования стилистических средств, таких как сравнение (*poet – fool*) и синтаксические параллельные конструкции, помогающие нагнетать смысл. При этом концовка содержит довольно обличительный пуант, смысл которого понятен не только непосредственному адресату эпиграммы, но и любому читателю.

Однако эпиграммы более значительного объема могут быть охарактеризованы наличием художественного события, где сумма инвариантов образует семантическое ядро произведения на линии авторского ракурса,

являющееся темой. С точки зрения текстологического изложения содержания кодово-схематического макета, эпиграмма в данном случае может быть сопоставлена с лирическим стихотворением:

*I'm now arrived – thanks to the gods! –
Thro' pathways rough and muddy,
A certain sign that makin roads
Is no this people's study:*

*Altho' I'm not wi' Scripture cram'd,
I'm sure the Bible says
That heedless sinners shall be damn'd,
Unless they mend their ways.*

Обличительный характер данной восьмистрочной эпиграммы построен на содержании, сотканном из четырех инвариантов: *arrival*, *road*, *sin*, *hell*, каждый из которых группирует из своего вариативного остатка микротематическую речевую ситуацию. Сумма инвариантов порождает общую тему эпиграммы – недовольство автора плохими дорогами, причем заключение-пуант, представленное в последних двух строках, подчеркнуто язвительно, чему способствует выбор лексических единиц (*That heedless sinners shall be damn'd*), что в переводе на русский язык С.Я. Маршака выражено очень точно (*Коль ты не выпрямишь пути, / Пойдешь ты в ад кромешный*).

Итак, сопоставление внешней оформленности английского лимерика и эпиграммы позволяет выявить как дифференциальные, так и интегральные признаки. Очевидным расхождением является разнородность наполняемости рамочной структуры произведений. Так, если лимерики характеризуются фиксированной структурой, закрепленной традицией, то эпиграммы обладают неоднородностью, вызванной различной количественной наполняемостью произведений.

Признаком, сближающим эти две формы малого поэтического жанра, является наличие неожиданной для читателя концовки, которая в лимерике создает комический эффект, а в эпиграмме содержит «перчинку», остроту.

Сюжетное построение лимерика и коротких эпиграмм имеет схожий характер ввиду одинакового механизма формирования микротематической речевой ситуации вокруг одного инварианта. Более объемные эпиграммы должны быть выделены отдельно, поскольку обладают семантическим ядром, в котором концентрируются несколько инвариантов, образующих тему.

Однако при наличии всего вышесказанного остался нерешенным вопрос, как авторский ракурс оказывается представленным художественным произведением определенной жанровой принадлежности, какая тексто-

вая категория выступает медиатором или посредником между существующими уровнями текста художественного произведения. Таким медиатором выступает категория тождества, которая позволяет эксплицировать линейно-плоскостной замысел автора на глубинном уровне в виде стилизованного авторского произведения на поверхностном [5, с. 103; 6, с. 65]. Благодаря категории тождества замысел автора приобретает очертания и форму и, таким образом, на выходе представляется художественное произведение определенного, заданного авторским ракурсом, жанра. Именно авторский ракурс как бы программирует произведение на определенное количество компонентов, которые и будут составлять архитеконику художественного текста. Категория тождества позволяет определить идентичность авторского ракурса конкретному жанру.

Анализ текстов английского лимерика и эпиграммы позволяет констатировать тот факт, что при неоднозначности модели их поверхностной структуры, которая не позволяет свести произведения к определенному типизированному макету построения, наблюдается идентичность модели глубинного линейно-плоскостного построения. Авторский ракурс как репрезентация замысла писателя представляет собой своеобразный код, декодирование которого осуществляется на поверхностном уровне произведения с учетом всех имеющихся структурно-семантических особенностей.

Библиографический список

1. Алексеева Е.В. Структурно-семантические особенности некоторых поэтических произведений фольклорного жанра: Дис. канд. филол. наук. М., 1999.
2. Кошечкина И.Г. Текстоблагодетельные структуры языка и речи. М., 2012.
3. Лир Э. Книга без смысла: В переводах, перепереводах и переперепереводах Евгения Клюева. М., 2007.
4. Павлова Н.В. Межкультурное движение жанра лимерик как текстовая реализация смысла комического: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005 г.
5. Свиридова Л.К. К унификации анализа различных текстовых жанров // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики: Сб. материалов международной научно-практической конференции молодых исследователей / Отв. ред. Ю.М. Шемчук. М., 2013. С. 101–104.
6. Свиридова Л.К. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2011. № 6. Т. 2. С. 63–66.

И.Г. Кошечая

О соотношении форм и значений внутренней и внешней речи

В статье делается попытка рассмотреть речь как ведущую мобильную часть языковой материи с точки зрения общих закономерностей ее построения и функционирования. Исходя из уже принятого в лингвистике разделения речи на две составляющие ее сферы – внутреннюю и внешнюю, определены формы и значения, присущие каждой из них, и объяснены причины, определяющие закрепление сенсатов (как слов междометного характера) за внутренней речью, а логем (как слов последовательного развития имени) – за внешней речью. В этом свете в статье проанализирована специфика действия функциональной смысловой зависимости, которая во внутренней речи проявляет себя через авторский ракурс, создающий схематичный макет этого вида речи на основе значения корреляции, прямолинейно соединяющей внутреннюю речь с объектом мысли. Во внешней речи это зависимость проявляет себя через сюжетную перспективу, выражаясь в значении элективности путем перевода укороченных форм внутренней речи в полнозначные стилистические структуры внешней речи.

Ключевые слова: корреляция, внутренняя речь, внешняя речь, авторский ракурс, сюжетная перспектива, функциональная смысловая зависимость.

Как известно, активная разработка речевых форм и категорий начинается со второй половины XIX в., когда Фердинанд де Соссюр выдвинул идею о необходимости разделения языковой материи на язык и речь. Для общего развития филологии, которая с древнейших времен, являясь частью классической философии, рассматривала язык как систему разным образом структурированных словесных знаков, период в неполных два века является начальным. Тем не менее, активное изучение средств речевой коммуникации, естественно, опирающееся на богатейший опыт накопленных ранее общефилологических знаний и на технические средства современной науки, позволил двигаться семимильными шагами в этом направлении [7]. Неслучайно за последние годы в лингвистике выделились и получили детальное описание такие новые дисциплины, как стилистика, психолингвистика, текстология, фразеология и т.д., в основе которых лежит принцип нахождения, систематизации и выведения моделей речедвигательной активности языка.

В этой связи речь получает свою детализацию, при которой она разделяется не только на устную и письменную, но и на внешнюю и внутрен-

ную, не зависящую от графической (т.е. письменной) или вслух воспронизведенной (т.е. устной) формы выражения. Таким общим принципом для разделения речи, характеризующий ее обязательное функционирование в общих формах – устной и письменной, явилось разделение речи на две обязательные сферы существования: внутреннюю и внешнюю, и описание этих сфер [2].

Наличие этих сфер не определяется формой выражения речи, т.к. обе формы характеризуют речь в целом, представляя ее как особый феномен мыслительной деятельности человека, задействованного в акте коммуникации. Будучи отправителем информации, он оказывается связанным с речевым партнером, задействованным в этом акте в функции реципиента, т.е. получателя информации или, иначе, адресата, которому адресована высказанная вслух речевая информация.

При этом сам процесс речевой коммуникации строится таким образом, что коммуниканты связаны своеобразной речевой цепью взаимопереключающегося обмена фигурами внешней речи – словами, словосочетаниями, предложениями, сверхфразовыми единствами, а в условии объемного текста – текстовыми сегментами и всем целым текстовым содержанием, когда в процесс обмена информации вступает внешняя речь в ее письменной форме. В этом случае ответная реакция реципиента обычно имеет либо письменную форму рецензии, отзыва, или формулируется в виде общей оценки прочитанного текста положительной, нейтральной или отрицательной реакцией на него со стороны читателя, но при любом случае такая оценка, во-первых, основывается на полученной информации, во-вторых, вначале формируется как внутреннее впечатление об услышанном, увиденном или прочитанном, а затем лишь получает ту форму изложения, которая является внешней.

Следовательно, факт высказывания представляет собой определенный этап внешней речи, когда говорящий и слушающий могут меняться местами, образуя своего рода лестничное построение мысли: I этап – отправитель информации → получатель информации; II этап – получатель информации, становясь новым отправителем → к исходному отправителю информации и т.д. За рамками этого внешнего информативного обмена (произносимого вслух и воспринимаемого через радио, телевидение или чтение) между участниками образуется так называемый акт коммуникации. Однако внутри него существует еще сфера произносимого вслух обдумывания информации. Именно эта сфера является сферой внутренней речи, которая имеет ряд своих отличительных признаков. Во-первых, по темпу произнесения она несравненно быстрее, чем внешняя речь. Темп ее действия может быть назван молниеносным, т.к. при

ее проявлении создаются заминки, замешательства и провалы в перекрестном ведении беседы (диалога или полилога), которые выражаются в использовании сенсатов (слов междометного характера типа: *Oh, alas* и т.д.). Они дают возможность коммуникантам сориентироваться в речевой ситуации, оценить ее и лишь после этого выдать сформулированную мысль во внешнюю речь. В противном случае во внешнюю речь поступает сбивчивая фраза, содержащая грамматически упрощенные модели и другие языковые исправления. Обычно это объясняется эмоциональным впечатлением от восприятия какого-то объекта речевой ситуации или недостаточностью информации об объекте разговора и необходимостью дополнительного времени на его обдумывание или получение [4]. Но при любых условиях внутренняя речь связана с внешней неразрывностью своего смыслового наполнения.

Поскольку внутренняя речь по темпу формирования и реализации (т.е. перехода во внешнюю речь) всегда быстрее внешней речи, то во-вторых, она строится на изменении, упрощении и изъятии грамматических, морфологических структур и синтаксических моделей и фонетических единиц и лексически разъясняющих слов, которые могут быть убраны как понятные отправителю информации. За счет их сокращения или изъятия происходит сжатие темпа внутренней речи. Например, смысл предложения типа *Я Вас люблю* может быть сконцентрирован в одном слове *люблю*, т.к. все остальное для говорящего ясно и без разъясняющего речевого наполнения (типа: кто любит? *я*, кого? *Вас*). И даже само слово *люблю* во внутренней речи сокращается до его перфокарты, выраженной в семантико-фонетическом комплексе путем строгого фиксированного порядка следования согласных корня *л (ю) бл (ю)*, когда гласные опускаются [6, с. 184].

Итак, отличительным признаком внутренней речи является быстрота ее формирования, в основе которой лежит необходимость временной регламентации диалога (т.е. неразрывное во времени единство речи отправителя и получателя), без которой нарушается плавность его течения и неразделимое единство вовлеченных в ее рамки коммуникантов.

При таком положении возникает вопрос: можно ли говорить о единстве внутренней и внешней речи или следует рассматривать структурно-смысловые феномены языковой материи, а само разделение этой материи признать не двух-, а трехсоставным, т.е. разделенным на: 1) язык; 2) внешнюю речь; 3) внутреннюю речь.

На основании углубленного анализа языковых фактов, проведенных нами на материале драматургических, научных, публицистических и других видов текста, мы пришли к выводу, что можно говорить о двух видах речевой деятельности, составляющих одну общую для них среду речи.

О разделении речи на письменную и устную здесь говорить не приходится, т.к. графика не является сущностной чертой, характеризующей речь как общечеловеческое явление. Графика возникла в ходе социально-экономического развития общества, т.е. также, как его культура, архитектура, техника, графика не возникает вне общества, где она служит только для фиксации различных стадий его существования и в этом плане характеризует язык в различные эпохи его исторического развития, в его территориальных перемещениях, в состояниях его адстрата, субстрата и суперстрата. Все эти процессы, даже будучи графически отраженными в письменной речи, конечно, связаны с языком, но не имеют ничего общего с внутренними законами его развития, которые определяют саму суть связи внутренней и внешней речи.

На наш взгляд, в ее основе лежат три главенствующие момента:

1) семантическая связь фабульного содержания двух концептуально зависимых сфер речи: внутренней и внешней;

2) темпоральная ограниченность внутренней речи рамками перехода внутренней речи в речь внешнюю, при котором происходит логикомыслительное сжатие языковых средств, с помощью которых концептуальное значение следует представить сжато и тут же переадресовать ее во внешнюю речь для ее адекватного понимания адресатом, и неразрывность самого акта коммуникации;

3) соблюдение адекватности методу сжатыми до смысловой узнаваемости структурами внутренней речи и их превращением в стилистически развернутые структуры реципиента и понимания реципиентом внешней речи.

Все это позволяет нам говорить о том, что внутренняя речь строится по законам авторского ракурса, поскольку во всех случаях говорящий, являясь автором своего высказывания (от слова до текста), сам определяет свой авторский ракурс и сам создает во внутренней речи схематичный макет своего высказывания. Этот макет всегда прямолинеен, лишен детализирующих его дополнений и носит линейно-плоскостной характер, т.к. строится автором для самого себя. Даже в случае, если автор почему-либо не желает вводить собеседника в курс своего видения объекта речевой ситуации, он все равно строит свой авторский ракурс таким образом, чтобы сформулировать опять-таки свой ложный для собеседника план – схематичный макет – на основе которого будет развиваться высказываемая им картина представления объекта во внешней речи [2].

Внешняя речь не ограничивается условно хронометразирующими ее рамками коммуникативного диалога, поскольку она строится на необходимости убеждения, доказательства либо просто имеет вид неаргументированного приказа или сообщения. Однако в любых обстоятельствах

авторский ракурс, характеризующий сферу внутренней речи, изменяется во внешней речи на сюжетную перспективу, задача которой создать контакт с реципиентом, т.к. без него речевое общение не дает результатов и равно нулю. Поэтому сюжетная перспектива формирует внешнюю речь в русле совсем иных внутренних законов: не сокращенно-сжатой прямолинейности высказывания, а наоборот – в возможно возрастающей и расширяющейся многоаспектности спектра стилистических средств, при котором многоаспектная база доказательств становится не только возможной или допустимой, но оказывается обязательной и необходимой для развертывания самого процесса общения. Так, во внешней речи появляются расширенные модели предложений, где, кроме подлежащего и сказуемого как главных членов предложения, широко используются второстепенные члены, имеет место рекуррентия как возврат к ранее сказанному, построение высказывания в плане его приближения или отдаления от говорящего, т.е. по принципу центров первичного и вторичного приближения к нему, когда первичным выступает сам автор, типа: *Онегин, добрый мой приятель, родился на берегах Невы* (вторичный центр), *...там некогда гулял и я, но вреден север для меня* (первичный центр) и т.д.

Таким образом, внешняя речь основной формой своего проявления имеет функциональную перспективу, а основным значением своего действия имеет значение свободной элективности, т.е. того выбора стилистических средств, с помощью которых автор как отправитель информации считает возможным передать реципиенту свое мнение. В силу этого внешняя речь строится на всем богатстве лексического инвентаря, которым владеет отправитель информации. При многоступенчатых высказываниях в ней используются такие слова-логемы или агглютинаты (т.е. слова, приклеивающиеся к предшествующему доказательству типа: *итак, следовательно, таким образом, поэтому* и т.д.) [5]. Эти слова противоположны словам-сенсатам, возникающим в сфере внутренней речи, когда отправитель информации еще не готов сформулировать квинтэссенцию своей мысли, и ему необходим временной промежуток для углубленной оценки сообщения и его формулировки для выхода во внешнюю речь. Однако, как и слова-логемы, слова-сенсаты не имеют достаточного самостоятельного значения, а должны быть подкреплены предшествующим или последующим за ними смыслами. Поэтому они выступают теми агглютинатами, которые приклеиваются к формулируемым автором высказываниям в пределах внешней речи. Например: *Alas, I am the most wretched lady of the world* или *Thus, now I know the plan of his action*.

Но формой и значением, которые определяют сферу внутренней речи, является не функциональная сюжетная перспектива и элективность, как

у внешней речи, а другие языковые закономерности: формой организации внутренней речи выступает авторский ракурс, а способом его реализации является значение корреляции, поскольку корреляция – это то значение, которое создает прямую линию связи с объектом речевой ситуации, о котором говорящий строит схематичный макет своего высказывания.

Сказанное выше не означает, что внутренняя и внешняя речь разделены в рамках акта коммуникации, напротив, они неразрывно связаны. И эта связь, основываясь на общем объекте мысли, должна иметь следующие языковые приемы, которые определяют ее действие: а) как действие, семантически обобщающее два эти вида речи – внутреннюю и внешнюю; б) как действие, протекающее в едином речевременном пространстве; в) как действие, находящееся в определенной зависимости от других.

Таким обобщающим языковым инструментом выступает функциональная смысловая зависимость. Она функциональна, т.к. действует как на уровне внутренней, так и на уровне внешней речи: в первом случае выступая как корреляция, во втором – как элективность по принципу связи с объектом речевой ситуации. Она является смысловой, т.к. формы ее выражения связаны с соотносением мысли с определенным объектом речевой ситуации либо через авторский ракурс, либо через сюжетную перспективу.

Она проявляет себя как зависимость, поскольку внешняя речь, несмотря на языковую объемность составляющих ее компонентов и на темпоральную расширенность произносимого вслух высказывания, оказывается не просто связанной с внутренней речью, но выступает в подчинении к этой речи, в результате чего обе речевые сферы связаны иерархическими отношениями, которые устанавливаются объективно, т.е. независимо от желания говорящего, по принципу подчинения внешней речи внутренней как главенствующей.

Функциональная смысловая зависимость, как и другие языковые закономерности, отражает язык в целом, а он, как известно, представляет собой самое загадочное дитя человечества, которое, будучи порождено человеком, существует по независимым от нас законам своего развития. Человек оказывается в границах их действия, познает их, но изменить их не может.

Библиографический список

1. Котовчихина Н.Д. Поэтика лирической прозы. М., 2010.
2. Кошечая И.Г., Свиридова Л.К. Грамматические значения и категории. М., 2011.
3. Кошечая И.Г. О тройной сегментации времени и пространства // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 64–67.

4. Свиридова Л.К. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2011. Т. 2. № 6. С. 63–66.
5. Свиридова Л.К. Перевод как обязательное выражение категории тождества // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 80–86.
6. Устякина Е.В. Рекуррентный центр в произведениях художественной прозы. М., 2011.
7. Шемчук Ю.М. Варианты в молодежном социолекте как проблема вариологии // Иностранные языки в высшей школе. 2013. № 1 (24). С. 36–39.

М.А. Кузьмина

Обращение как составляющая часть рамочной конструкции

Обращение рассматривается как компонент, входящий в состав рамочной конструкции диалога, т.е. как часть структуры, базирующейся на трех составляющих: зачине, ядре и завершении. Основополагающим фактором функционирования такой структуры является направленность на адресата, который взаимодействует с говорящим в ходе диалога. На основании анализа функционирования обращения внутри представленной структуры выделяются возможные варианты воздействия обращения на процесс развития диалога.

Ключевые слова: обращение, рамочная конструкция диалога, зачин, ядро, завершение диалога, коммуникативное пространство, речевая ситуация, направленность на адресата.

Известно, что по своей природе разговорная речь диалогична, а диалог предполагает наличие не менее двух собеседников, которые последовательно обмениваются репликами. Границей каждой из них становится смена говорящего, т.е. переход адресанта из отправителя информации в получателя и наоборот. Так, диалог определяется как «форма речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами» [4, с. 107].

Цель данной статьи определяется необходимостью анализа роли обращения как неотъемлемой части коммуникативного пространства диалога. Поставленная цель определяет задачи выявления возможных вариантов функционирования обращения в диалоге, учитывая непосредственное участие говорящего, которому принадлежит ведущая роль при ведении диалога, т.к. именно от него исходит реплика-зачин, за которой следует реплика-реакция со стороны адресата. «Язык в его речевом проявлении – эгоцентричное явление» [2, с. 164]. Адресант направляет и регулирует последующее течение диалога внутри коммуникативного пространства, ограниченного рамками речевой ситуации.

С целью решения обозначенного вопроса диалог рассматривается как структура, основанная на единстве трех составляющих компонентов, а именно: зачина, ядра и завершения [1, с. 241]. Данные компоненты формируют структурную речевую рамку диалога, в котором позицию ограничителей занимают зачин и завершение, а ядро составляет медиальную часть, в которой содержится информативное сообщение [3, с. 140]. При этом зачин играет стимулирующую роль установления контакта для последующего общения, в то время как завершение определяет реакцию участников коммуникации на процесс общения.

При создании и функционировании такой конструкции факт направленности информации к получателю играет ведущую роль, т.е. наличие адресата является основополагающим. Адресант выступает как исходный отправитель информации, формирующей зачин конструкции; в таком случае говорящий обозначается как первое лицо «I». Соответственно, завершение предполагается со стороны слушающего «you» как получателя информации и, следовательно, рамочная конструкция диалога основывается на линии коммуникативной связи из двух составляющих компонентов $I \longleftrightarrow you$, грамматически объединенных первым лицом множественного числа «we». В процессе коммуникации отправитель и получатель информации постоянно меняются местами, при этом общая для них взаимонаправляющая линия отображается в грамматическом значении «we». Между зачином и завершением рамочной конструкции располагается ядро или медиальная часть, охватывающая содержательную часть диалога, включенную в коммуникативное пространство данной речевой ситуации.

С точки зрения композиционного подхода, обращение может занимать различные позиции внутри структуры рамочной конструкции. Например, позиция внутри зачина рамочной конструкции:

LORD WINDERMERE (kisses her). Margaret – how pale you look!

LADY WINDERMERE. I slept very badly. [7, с. 49];

позиция внутри ядра рамочной конструкции:

LORD WINDERMERE. My dear child, you are not well. You've been doing too much. Let us go away to the country. You'll be all right at Selby. The season is almost over. There is no use staying on. Poor darling! We'll go away today, if you like. [8, с. 49];

позиция внутри ядра рамочной конструкции:

LORD WINDERMERE (calling after her). Margaret! Margaret! [7, с. 20].

Необходимо отметить, что употребление обращения в различных позициях рамочной конструкции не является идентичным. Для позиции зачина ядерным становится значение оклика, привлечение внимания потенциального адресата со стороны говорящего, при этом особое внимание следует уделить высказыванию адресанта, поскольку именно он задает тональность будущего процесса коммуникации.

DUCHESS OF BERWICK (coming down C., and shaking hands). Dear Margaret, I am so pleased to see you. You remember Agatha, don't you? (Crossing L.C.) How do you do, Lord Darlington? I won't let you know my daughter, you are far too wicked [Там же, с. 11].

В данном случае употребление обращения в зачине речевой рамки указывает на то, какие именно коммуниканты могут принимать участие в процессе формирования коммуникативного пространства диалога, переходя в медиальную позицию. Основная функция обращения в таком случае состоит в обозначении определенных коммуникантов, привлечении именно их к беседе. Так, при изъятии формы обращения на начальном этапе рамочной конструкции возникают трудности в понимании направленности высказывания, если, например, потенциальных адресатов несколько. При этом добавочные значения отношения к адресату со стороны адресанта нейтрализованы и могут рассматриваться как периферийные. Одновременно форма обращений указывает на положение коммуникантов относительно друг друга с точки зрения симметрии или асимметрии их взаимоотношений, что определяет ракурс ведения беседы с точки зрения степени официальности или неофициальности общения.

Таким образом, из форм обращения в приведенном выше примере позиции зачина следует, что герцогиня Бервик является близкой знакомой леди Уиндермир, на что указывает употребление модели обращения FN (*first name*). В то же время употребление модели обращения T+LN (*title + last name*) по отношению к Лорду Дарлингтону подчеркивает увеличенную степень дистантности по сравнению с моделью обращения FN. Употребление модели FN придает последующей коммуникации направленность на неофициальную беседу, подготавливает к деликатности темы будущего диалога, поскольку в медиальной части речь будет идти о предполагаемой

герцогиней измене мужа леди Уиндермир, о чем она спешит сообщить своей знакомой. В позиции зачина обращение задает направление развития последующего акта коммуникации в определенном ракурсе. Так, если в качестве эксперимента, применяя метод субституции, заменить модель обращения FN на более официальное T+LN:

DUCHESS OF BERWICK (coming down C., and shaking hands). Lady Windermere, I am so pleased to see you,

то последующий диалог при таком зачине мог бы оказаться неуместным и потребовал бы выражения дистантности впоследствии и в коммуникативном пространстве медиальной части.

Завершение диалога соответствует по тональности зачину. Здесь также имеют место формы обращения, которые указывают на тему доверительных отношений между близкими знакомыми, развиваемую в коммуникативном пространстве диалога. В отличие от позиции зачина, ядерным при употреблении обращения становится добавочное отношение говорящего к адресату, т.к. направленность на конкретного адресата акцентирована в зачине и отображена в процессе развития коммуникативного пространства. Так, в следующем примере имеет место добавочное отношение сочувствия по отношению к адресату.

DUCHESS OF BERWICK. <...> My dear Margaret, you are not going to cry? <...> We're coming tonight, dear. (Parker opens the doors) And remember my advice, take the poor fellow out of town at once, it is the only thing to do. Good-bye, once more [7, с. 14–15].

В данном случае рамочная конструкция имеет однородную структуру с точки зрения развития эффективности коммуникации посредством медиальной части.

Рассмотрим еще примеры рамочной конструкции:

DUCHESS OF BERWICK. <...> Mr Hopper, I am very, very angry with you. You have taken Agatha out on the terrace, and she is so delicate [7, с. 30] – обращение в позиции зачина;

DUCHESS OF BERWICK. But we'll talk about that tomorrow. James, you can take Agatha down. You'll come to lunch, of course, James. At half-past one, instead of two. The Duke will wish to say a few words to you, I am sure [7, с. 31] – обращение в позиции завершения.

В рассмотренных примерах дистантность коммуникации уменьшается в ходе развития речевой ситуации. Официальная модель T+LN в позиции зачина меняется на модель FN в позиции завершения, таким образом, внутри коммуникативного пространства медиальной части наблюдается снижение степени дистантности между адресантом и адресатом.

Обращение в позиции зачина определяет направление расширения коммуникативного пространства внутри медиальной части рамочной конструкции. Однако, т.к. ее развитие происходит под влиянием внешних факторов речевой ситуации, то формы обращения, употребляемые в позиции завершения, обусловлены именно речевой ситуацией и не всегда совпадают по своей тональности с позицией зачина.

В медиальной позиции структуры рамочной конструкции функция обращения, как указателя на адресата, к которому направлено данное высказывание, нейтрализуется и становится периферийной, поскольку коммуниканты, действующие лица в последующем коммуникативном пространстве диалога, были обозначены в позиции зачина. На этом этапе формы обращения выступают в качестве структурных расширителей высказываний внутри коммуникативного пространства, служащих для реализации добавочных оттенков значения, вкладываемых адресантом в обращение. Так, приведенные ниже формы обращения подчеркивают имплицитное значение сочувствия, выражаемое герцогиней Бервик по отношению к леди Уиндермир: *And now I must tell you how sorry I am for you, dear Margaret; But I really am so sorry for you, Margaret; My poor child!; Ah, what indeed, dear? That is the point. He goes to see her continually, and stops for hours at a time, and while he is there she is not at home to anyone. Not that many ladies call on her, dear, but she has a great many disreputable men friends...; But it's quite true, my dear. The whole of London knows it; And now, my dear child, I must go, as we are dining out; Pretty child! I was like that once. Now I know that all men are monsters; My dear Margaret, you are not going to cry?* [7, с. 13–15].

Отметим, что в отдельно взятых высказываниях внутри медиальной позиции рамочной конструкции формы обращения занимают позицию в середине либо в конце отдельно взятого высказывания, что подчеркивает ведущую роль добавочных нюансов значения по сравнению с направленностью на адресата, сохраняющую инвариантность для обращения, но занимающую в такой позиции место периферии. Исключение из этого составляют изначально маркированные и эмоционально заряженные модели обращения, например, *My poor child!* или *Pretty child!*, где добавочные значения отношения к адресату являются основополагающими и не зависят от их места в процессе коммуникации.

Обращение в медиальной позиции рамочной конструкции не только выражает добавочные оттенки значения, но и служит сигналом перехода к новой информационной единице, на которую адресант обращает особое внимание слушающего. В следующем примере в медиальной части рамочной конструкции участниками коммуникации являются Миссис

Малапроп и Сэр Энтони Абсолют; в приведенной реплике Миссис Малапроп каждая форма обращения сигнализирует о переходе к следующей информационной единице.

MRS. MAL. Observe me, Sir Anthony. I would by no means wish a daughter of mine to be a progeny of learning. <...> – But, Sir Anthony, I would send her, at nine years old, to a boarding-school, in order to learn a little ingenuity and artifice. Then, sir, she should have a supercilious knowledge in accounts... – but above all, Sir Anthony, she should be mistress of orthodoxy, that she might not mis-spell, and mis-pronounce words so shamefully as girls usually do... This, Sir Anthony, is what I would have a woman know... [6, с. 100].

При условии ассиметричного положения коммуникантов относительно их социального статуса обращение внутри медиальной части может быть, прежде всего, использовано для реализации этикетных норм общения с нейтрализацией каких-либо добавочных оттенков значения. Значение направленности на адресата при этом остается инвариантным, но периферийным по отношению к ядерному положению норм этикета:

PARKER. Is your ladyship at home this afternoon?

LADY WINDERMERE. Yes – who has called?

PARKER. Lord Darlington, my lady.

LADY WINDERMERE (hesitates for a moment). Show him up – and I'm at home to anyone who calls.

PARKER. Yes, my lady [7, с. 7].

Коммуникативное пространство, ограниченное позициями зачина и завершения и раскрывающееся в ядре рамочной конструкции, находится в непосредственной зависимости от фактора степени знакомства адресанта и адресата. Так, если участники коммуникации незнакомы, то коммуникативное пространство, формирующееся в медиальной части, максимально сужается:

THE MOTHER [to the gentleman]. Oh, sir, is there any sign of its stopping?

THE GENTLEMAN. I'm afraid not. It started worse than ever about two minutes ago.

THE MOTHER. Oh dear! [She retires sadly and joins her daughter.] [5, с. 13].

В таком случае имеет место запрос об информации и реакция на запрос со стороны адресата, но беседы не происходит.

При условии, что участники коммуникации знакомы, коммуникативное пространство медиальной части рамочной конструкции приобретает расширенный вид:

LYD. My dearest Julia, how delighted am I! – [Embrace.] How unexpected was this happiness.

JUL. True, Lydia, and our pleasure is the greater. – But what has been the matter? – you were denied to me at first!

LYD. Ah, Julia, I have a thousand things to tell you! – But first inform me what has conjured you to Bath? Is Sir Anthony here?

Then before we are interrupted, let me impart to you some of my distress! ... My letters have informed you of my whole connection with Beverley! but I have lost him, Julia!

Well, I'll not detain you, coz. – Adieu, my dear Julia, I'm sure you are in haste to send to Faulkland [6, с. 95–97].

В случае коммуникации, где участники знакомы друг другу, коммуникативное пространство расширяется и включает в себя содержание разговора, происходящего между адресантом и адресатом.

В соответствии с поставленной целью мы можем сделать следующие выводы.

I. Обращение, являясь составляющим компонентом рамочной конструкции диалога, имеет возможность быть представленным в начальной, медиальной и конечной позициях.

II. Для позиции зачина ядерным становится значение определения потенциальных участников, которые будут включены в коммуникативное пространство диалога. Также с помощью обращения задается направление развитию последующего акта коммуникации в определенном ракурсе.

III. В медиальной части рамочной конструкции диалога обращение маркирует имплицитные нюансы добавочных значений, которые адресант стремится передать адресату, а также сигнализирует о переходе к новой информационной единице и выполняет роль регулятора соблюдения норм речевого этикета.

IV. Обращение в позиции завершения указывает на итог коммуникации с точки зрения ее эффективности или неэффективности, а также отображает отсутствие тональности обращения или ее изменения по сравнению с зачином.

Таким образом, обращение как составляющая единица структуры рамочной конструкции диалога оказывает непосредственное влияние на ход ее развития. При этом коммуникативное пространство, ограниченное позициями зачина и завершения и раскрывающееся в ядре рамочной конструкции, находится в непосредственной зависимости от фактора степени знакомства адресанта и адресата. При условии, что коммуниканты знакомы друг другу, происходит расширение коммуникативного пространства медиальной части рамочной конструкции, если нет, то коммуникативное пространство максимально сужается.

Библиографический список

1. Кошечая И.Г. Стилистика современного английского языка. М., 2011.
2. Кошечая И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. Изд. 2-е. М., 2012.
3. Кошечая И.Г., Свиридова Л.К. Грамматические структуры и категории английского языка: Теоретический курс. М., 2010.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985.
5. Shaw G.B. Pygmalion. Caesar and Cleopatra. СПб., 2008.
6. Sheridan R.B. The Rivals and the School for Scandal. Boston and New York, 1891.
7. Wilde O. The Importance of Being Earnest and Other Plays. Oxford, 2008.

М.С. Кунавина

Особенности передачи глагольных форм при переводе англоязычных тэглайнов на русский язык

В статье представлены основные способы создания российских тэглайнов к англоязычным фильмам, а также выявленные в результате сопоставительного анализа трансформации, происходящие с морфологическими категориями глагола при переводе англоязычных тэглайнов к кинофильмам на русский язык. Проведение данного анализа стало возможным благодаря обнаружению характерных функциональных и семантических особенностей употребления тэглайна как особого жанра рекламного слогана.

Ключевые слова: переводческие трансформации, тэглайн, слоган, глагол, морфологические категории глагола.

Тэглайн (англ. *tagline*), как и слоган, представляет собой короткую фразу, имеющую описательный характер и сопровождающую официальное название или логотип рекламируемого продукта или услуги. В профессиональной кинематографической области тэглайн, включенный

в трейлер (рекламный ролик) фильма как в аудио-, так и в визуальном ряду, а также представленный на постерах и иных печатных промоносителях, является неотъемлемой частью в построении маркетинговой кампании фильма.

Таким образом, тэглайн имеет ряд общих черт со слоганом. Оба вида рекламного текста могут быть представлены различными средствами передачи информации: в телерекламе, в рекламе на радио и в Интернете, в печатных изданиях. Составляющими для построения удачного тэглайна, также как и для создания слогана, служат включение в текст максимума информации при минимально возможной длине сообщения, оригинальность, уместность и ассоциативность с рекламируемым объектом [3–5].

Существуют также определенные различия. Важная для слогана положительная коннотация, позволяющая представить продукцию в самом выгодном свете, не является обязательной для тэглайна: *Her love has no blackout dates. Hilton Honors* (слоган); *Fear takes a road trip. Jeepers Creepers* (тэглайн).

Помимо этого для слогана, в отличие от тэглайна (далее – тэг), важна направленность действия на потребителя, подчеркивание близости с реципиентом и, как следствие, наличие контакта с ним. Для выражения близкого контакта используются конструкции с глаголами в форме 2-го лица [2, с. 55]. В процентном соотношении количество англоязычных слоганов почти в два раза превосходит число тэгов с данными глагольными формами и составляет соответственно 54,8% и 28,3%. Аналогичная тенденция наблюдается и в российской рекламе: слоганы с глаголами в форме 2-го лица представлены в 43,5% случаев, в то время как количество тэгов с глаголами в данной форме составляет 17,9%.

Для слогана, в отличие от тэга, также характерно утверждение профессионального превосходства рекламируемого продукта: *Nothing comes between me and my Calvins. СК; Разделите наш успех. РосНефть*.

Таким образом, обладая указанными выше особенностями, слоган достигает своей основной цели – побуждение к приобретению товара или услуги. У тэга другая задача – сформулировать краткое сообщение, наполненное максимальной информацией о содержании фильма и о его жанре, т.е. тэг может служить в качестве краткой аннотации: *Игры закончились. Теперь настоящий Фандорин в настоящем деле. Статский советник; В криминальном мире свои законы, но говорят, что новичкам всегда везет. Даже не думай; The story of two people who got married, met, and then fell in love. Green Card; Can the most famous film star in the world fall for just an ordinary guy? Notting Hill; She brought a small town to its feet and a huge corporation to its knees. Erin Brockovich*.

Англоязычный тэглайн также может использоваться для демонстрации отнесенности фильма к определенному жанру: *What kind of man would defy a king? / Every man dies, not every man really lives. Braveheart* (историко-героический); *You scream. You die. Dead Silence* (фильм ужасов); *Love is in the hair. There's Something About Mary* (романтическая комедия); *EARTH – Take a good look. It could be your last. Independence Day* (фантастика).

В тэглайнах к российским фильмам данная тенденция не прослеживается, т.к. невысокий объем выпускаемых картин, по сравнению с американскими и британскими кинорынками, не способствует выработке специфических особенностей сообщений такого формата.

Указанные выше отличия тэглайнов от слоганов позволяют рассматривать тэглайны к кинофильмам в качестве особой разновидности рекламных слоганов.

Для проведения анализа особенностей передачи глагольных форм в процессе перевода англоязычных тэгов на русский язык были отобраны 90 пар. Важно отметить, что количество пар определялось по количеству российских переводов и не соответствует количеству англоязычных оригиналов (164). Данное несоответствие объясняется тем, что для проведения рекламной кампании фильма может использоваться от 1 до 9 англоязычных тэглайнов (таблица 1).

Таблица 1

Оригинальный англоязычный слоган	Русскоязычный слоган
1) Eliminating evil since 1812... 2) And they lived happily ever after. 3) No curse we can't reverse. No spell we can't break. No demon we can't exterminate. 4) Fall under the spell. 5) This isn't the way to grandmother's house. 6) Who's the fairest of them all. 7) If you go down to the woods today you'll never believe your eyes. The Brothers Grimm	1) Устраняем зло с 1812 года... 2) И с той поры жили они счастливо. <i>Братья Гримм</i>

В ходе исследования были выделены три основных способа создания российских тэгов к англоязычным фильмам:

- 1) перевод оригинального англоязычного тэглайна на русский язык;
- 2) создание нового тэглайна на базе уже существующих англоязычных вариантов;

- 3) создание нового тэглайна, не связанного с англоязычными оригиналами.

Перевод англоязычного тэга на русский язык с сохранением семантики оригинала является наиболее распространенным явлением (68,9%).

Создание нового тэга, не связанного с англоязычными оригиналами, для рекламной кампании фильма в России было выявлено в 24,4% случаев. Наименее распространен тип создания нового тэга на базе уже существующих англоязычных вариантов (6,7%).

В данной работе рассматриваются трансформации, типичные для наиболее характерного способа создания российских тэгов к англоязычным фильмам. При переводе тэглайнов, также как и при переводе рекламных слоганов, с английского языка на русский язык наблюдаются следующие явления: сохранение формы (наклонения, времени, лица и числа) оригинального глагола, частичное изменение (изменение определенных категорий глагола при переводе).

Ниже рассмотрим более подробно выявленные в ходе сопоставительного анализа типы глагольных трансформаций.

1. Сохранение исходного времени, наклонения, а также лица и числа глагола оригинального тэга при переводе на русский язык:

Fall in love. Get married. Have a baby. Not necessarily in that order. The Backup Plan. – Влюбись. Женись. Роди ребенка. Необязательно в таком порядке. Запасной план.

В связи с неразграничением в английском языке форм 2-го лица по числу, при переводе на русский язык была возможность выбора формы в пользу 2-го лица единственного числа. Повелительное наклонение, активный залог оригинального глагола были сохранены при переводе.

2. В процессе перевода наблюдается изменение времени глагола. Например, глагол в форме *Present tense* оригинального тэга будет соответствовать прошедшему или будущему времени глагола в его эквиваленте на русском языке:

Something evil has returned to Hogwarts! Harry Potter and the Chamber of Secrets. – Зло вернулось в Хогвартс! Гарри Поттер и тайная комната; *It all ends here. Harry Potter and the Deathly Hallows: Part 2.* – Все закончится. Гарри Поттер и Дары Смерти: Часть 2.

В первом случае глагол в форме *Present Perfect* при переводе на русский язык заменяется глаголом в форме прошедшего времени. Во втором случае глагол в форме *Present Indefinite* теряет значение настоящего времени и заменяется глаголом в форме простого будущего времени.

3. Перевод с изменением структуры оригинального тэга, в результате которого глагол в личной форме (сказуемое) полностью утрачивается:

The epic finale that will live forever. The Twilight Saga: Breaking Dawn: Part 2. – Грандиозный финал бессмертной саги. Сумерки. Сага. Рассвет: Часть 2.

При переводе оригинального тэга на русский язык было полностью утрачено определительное придаточное предложение (*attributive clause*),

включающее глагол в форме *Future Indefinite*. Придаточное предложение оригинала было заменено дополнением.

4. Перевод, в результате которого неличная форма глагола заменяется личной формой с присущими ей категориями времени, наклонения, числа и лица.

В оригинальном тэге причастие, морфологически соответствующее деепричастию в русском языке, было заменено личной формой глагола в изъявительном наклонении в форме 2-го лица, множественного числа, настоящего времени:

Eliminating evils since 1812... The Brothers Grimm – Устраняем зло с 1812 года... Братья Гримм.

Причастие страдательного залога в англоязычном варианте было утрачено. Вместо него используется сказуемое-глагол в форме 3-го лица, множественного числа, будущего времени:

Two sisters divided for the love for a king. The Other Boleyn Girl. – Две сестры сразятся за любовь короля. Еще одна из рода Болейн

5. В процессе перевода в одном тэге может быть представлено сразу несколько описанных выше явлений, что позволяет выделить смешанный тип трансформаций. Данное явление в большинстве случаев возможно, если в тэге есть две и более глагольные конструкции.

При переводе были сохранены без изменений формы глаголов *forget*, *open*. Глагол *know* претерпел изменения: настоящее время (*Present Indefinite*) при переводе трансформировалось в прошедшее:

Forget everything you know, and open your eyes. Vanilla Sky. – Забудь все, что ты знал о жизни и просто раскрой глаза... Ванильное небо.

В следующем примере сказуемое придаточного предложения в форме *Future Indefinite* трансформировалось при переводе в причастие прошедшего времени в составе причастного оборота:

The only thing more powerful than the system, is the man that will overthrow it. Equilibrium. – Только одно сильнее системы – человек, вставший над ней. Эквilibриум.

При переводе была сохранена форма будущего времени первого глагола-сказуемого (*will have to fight* – *должен будет сразиться*), но второй глагол-сказуемое в форме *Present Perfect* был удален:

In order to save the universe, he will have to fight the fiercest enemy he has ever faced... himself. The One. – Чтобы спасти вселенную, он должен будет сразиться с самым опасным и жестоким врагом, с самим собой. Противостояние.

При переводе причастие настоящего времени действительного залога (*Present Participle Active*) заменяется составным именным сказуемым

(глагол *быть* в настоящем времени + прилагательное). Сказуемое оригинального тэга не претерпевает изменений:

Moving at the speed of life, we are bound to collide with each other. Crash. – Мы разные, но мы обречены столкнуться. Столкновение.

В первом предложении страдательный залог глагола-сказуемого в форме 3-го лица единственного лица переводится на русский язык не дословным вариантом *он был научен*, а более подходящим в данном контексте *его учили*, что привело к изменению числа глагола:

He was trained to follow orders. He became a hero by defying them. Tears of the Sun. – Его учили выполнять приказ. Но он стал героем, нарушив его. Слезы солнца.

Перевод, в результате которого категории времени, наклонения, лица и числа оригинального тэглайна не претерпели изменений, является наиболее употребительным (более 82% от общего числа). Другие типы переводческих трансформаций представлены значительно реже. Так, смешанный тип перевода, включающий несколько трансформаций, представлен в 8,2% случаев. Перевод с изменением структуры оригинального тэга, в результате которого наблюдается изменение времени глагола, встречается в 4,9% случаев. Наиболее редки переводы, в результате которых неличная форма глагола заменяется личной формой с присущими ей категориями времени, наклонения, числа и лица, а также перевод с изменением структуры оригинального тэга, в результате которого глагол в личной форме (сказуемое) полностью утрачивается. Их количество составляет 1,6% для каждой группы.

В целом в данной работе была продемонстрирована возможность представления тэглайна к кинофильму как особого вида рекламного текста (слогана). Подробный анализ качественных признаков слогана показал, что не все они свойственны тэгам. Так, типичные для слогана утверждение профессионального превосходства и положительная коннотация не характерны для тэга, а направленность действия к потребителю не является основным способом привлечения внимания реципиента.

Сопоставительный анализ англо-русских пар тэгов выявил три основные тенденции, характерные для построения российского варианта англоязычного тэга: перевод оригинального ангоязычного тэга; создание нового тэга на базе уже существующих ангоязычных вариантов; создание нового тэга, не связанного с ангоязычными оригиналами. В ходе изучения перевода англоязычных слоганов и тэглайнов на русский язык был выявлен ряд особенностей. Сохранение категории времени, наклонения, лица и числа оригинального глагола – наиболее распространенное явление как при переводе слоганов, так и при переводе тэглайнов. Примеры

смешанного типа перевода, перевода с изменением времени глагола и перевода с заменой неличной формы глагола на личную форму также встречаются при анализе сопоставительных пар слоганов и тэгов. Отмеченные у слоганов примеры перевода с изменением наклонения, лица и числа глагола не были обнаружены у тэглайнов. Выявленный в ходе анализа парных слоганов перевод с заменой глагола в личной форме другой частью речи (существительным) не нашел примеров в ходе рассмотрения парных тэгов. Вместо этого были обнаружены примеры переводов, где глагол в личной форме (сказуемое) полностью утрачивается.

Библиографический список

1. КиноПоиск. Все фильмы планеты. URL: <http://www.kinopoisk.ru/> (дата обращения: 15.10.2013).
2. Кунавина М.С. Сопоставительный анализ использования морфологических категорий глагола в рекламных текстах (слоганах) на английском и русском языках // Научное мнение. 2013. № 3. С. 51–55.
3. Пронина Е. Психологическая экспертиза рекламы. М., 2001.
4. Рошупкин С.Н. Язык рекламы. М., 2003.
5. Cook G. Discourse of advertising. L., 2005.
6. IMDb. URL: <http://www.imdb.com/> (дата обращения: 15.10.2013).
7. Slogan Base. База рекламных слоганов и сайт копирайтеров. URL: <http://sloganbase.ru/?PageID=21&cat=35> (дата обращения: 15.10.2013).
8. Written and edited by Tim Dirks. URL: <http://www.filmsite.org/taglines.html> (дата обращения: 15.10.2013).

А.В. Лапшова

Соотношение топонимической и антропонимической систем в категориях тождества и выделимости

Статья рассматривает взаимосвязь направлений ономастики как системы языковых знаков, обозначающих конкретно названный объект. Исходным объектом анализа явилась антропонимика как система языковых знаков, которая служит для называния одушевленных объектов. С целью определения общих и дифференциальных признаков, лежащих в основе функционирования данных

направлений, было использовано иерархическое соотношение двух категорий: категории тождества и категории выделительности, позволивших определить, во-первых, характер пространственного движения в направленности от антропонима к топониму и, во-вторых, рекуррентной направленности (в топонимике, астронимике и космонимике) от теонима к антропониму.

Ключевые слова: топонимика, ономастика, антропонимика, категория тождества, категория выделительности, топоним, астроним.

В настоящее время существует достаточно подробная детализация направлений ономастики, из которых в данной статье мы остановимся лишь на некоторых. Топонимика, как известно, представляет ту систему языковых знаков, которая носит искусственно договорной характер, называя определенную точку в пространстве, которой присвоено зафиксированное за ней имя собственное. Система антропонимических единиц в этом отношении оказывается наиболее приближенной к топонимической системе, поскольку она также основывается на принципе договорного наименования. По определению словаря-справочника лингвистических терминов, «ономастика (от греч. *onomastikos* – относящийся к имени) – раздел языкознания, посвященный изучению собственных имен» [3, с. 243]. Что же касается топонимики, то, согласно определению того же словаря, это «1) раздел языкознания, посвященный изучению географических названий, 2) совокупность географических названий определенной территории» [Там же, с. 491]. Оба эти явления, будучи связанными общим объектом изучения – именем собственным, неравнозначны по объему общего для них объекта. Ономастика, естественно, шире топонимики, т.к. включает ее в себя как одну из своих составных частей. Однако эта часть в силу ее отнесенности к самым сложным и многомерным явлениям окружающего нас мира, а именно – пространству, получает такое расширенное выражение, при котором начинает восприниматься как относительно самостоятельная часть вокабуляра. Этому способствуют и те присущие только ей закономерности ее внутреннего развития, которые неслучайно в последние годы привлекают к себе более пристальное внимание исследователей, в силу чего изучение топонимики становится все более актуальным.

В исследовании мы исходим из положения о сущности топонимики, астронимики, космонимики как особых систем языковых знаков, основанных на категории пространственной ориентации, раскрывающей реальное тождество объекта любой из пространственных сфер – суши, воды или космоса путем его языковой или цифровой выделительности [2].

Связь топонимики и антропонимики занимает совершенно особое положение. Имея дело с наименованием, обе системы языковых знаков

являются договорными, т.к. даются людьми. Однако топонимика, так же как другие направления, связанные с выделением объектов пространства (такие как астрономика, космонимика), прилагается к неживым объектам (городам, морям, рекам, планетам) ближнего и дальнего пространства.

В случае же антропонимических (так же как и зоонимических) наименований речь идет об одушевленных объектах – людях и некоторых домашних животных, находящихся в непосредственном контакте с человеком: *«War and Peace» was written by Leo Tolstoy, the greatest Russian writer, well known throughout the whole world.* Однако и в том, и в другом случае имеет место реализация двух ведущих языковых категорий, на базе которых существует язык и реализуется его функционирование в речи: во-первых, это категория выделительности; во-вторых, категория тождества [4].

Научная новизна предлагаемых в статье результатов состоит в том, что система искусственно-договорных знаков, относящихся к именам собственным, была рассмотрена с точки зрения тех закономерностей, которые характеризуют ее как единую языковую систему.

Выделительность как общезыковая закономерность объединяет вокруг себя средства, с помощью которых осуществляется процесс выбора требуемого по смыслу объекта. Выделительность в этом плане является той закономерностью, которая базируется на тождестве, но выступает по отношению к нему вторичным общезыковым процессом, поскольку она призвана раскрыть объект в плане его идентичности по приложенному к нему наименованию.

Тождество в лингвистическом смысле означает абсолютные или относительные равенства тех языковых знаков, которые являются взаимозаменяемыми или могут быть использованы в качестве взаимозаменяемых. Поэтому категория тождества при реализации в речи основывается на процедуре отождествления, т. е. уравнивания одного и того же значения, которое может быть полностью равным или лишь частичным уподоблением в пределах того же семантического поля. В наиболее широком смысле, тождество – это синонимия. Но сводить тождество к синонимии нельзя. Тождество – это категория равенства, в котором синонимия выступает одним из значений идентификации одного и того же объекта.

Таким образом, выделительность оказывается вспомогательным языковым средством в реализации категории тождества. В ряде случаев выделительность предшествует формированию более объемного понятия, представленного в языке категорией тождества. Ср., например: *The oil reserves of Saudi Arabia, Iran, Kuwait, and Iraq, together called the Middle East, are now regarded as the greatest in the world,* где географи-

ческое понятие типа *Middle East*, являясь вторичным по отношению к ранее названным *Saudi Arabia*, *Iran*, *Kuwait* и *Iraq*, выделяет их в единую пространственную область со своим новым наименованием, которое тем не менее приложимо к каждому из них, т.е. в рассматриваемом смысле тождественно с ними.

При этом выделительность может касаться даже пространственного отношения объектов к какому-то третьему объекту. Например: *The Arctic Circle is the parallel 66 ½ N and is determined by the point where the sun's noon rays are tangent to the earth's surface at the time of winter solstice.*

Аналогичная картина четко прослеживается и в сфере одушевленных объектов, где также действуют обе данные категории иногда в плане только выделительности или только тождества, а иногда в плане их взаимодействующего усиления и перехода. Например: *Mary, a woman of middle height, appeared in the doorway and occupied a room on the top floor.* Поэтому выделительность и тождество могут взаимодополнять друг друга: *John, my beloved cousin, who lived in West India, had no chance to meet me.* В отдельных случаях тождество заявляет себя специальным усилением, типа: *It was he, Macuff who heard the angry expression* или *Ann is the sister of the girl with whom we were at school together.* Но и в таком случае выделительность сохраняется как вспомогательное средство реализации тождества и даже характеризует топонимически названные объекты, типа: *It is the Sun that gives the life to everything and everybody throughout the world.* Таким образом, указанные направления ономастики сходятся в реализации обеих категорий: выделительности и тождества.

Но это сходство, как нам представляется, не носит глубинный характер, поскольку проявляется на поверхностном уровне и иногда ведет даже к фактическому смешению основного разделяющего их принципа – принципа наложения топонимических знаков на пространственные объекты, а антропонимических знаков – на живые объекты. При объединяющем их значении выделительности главный разделительный барьер, отделяющий топонимику от антропонимики, проходит по линии одушевленности – неодушевленности объекта.

При этом сама выделительность, базируясь на тождестве каждого из названных объектов, предполагает наличие в них глубинного значения. Таким значением, объединяющим топонимы, астронимы, космонимы, служит пространственный фактор, значением, выделяющим антропонимы, служит фактор одушевленности, на основе которого категория выделительности накладывается на категорию тождества и взаимодействует с ней. Но именно в категории тождества происходит своего рода «сбой» в оппозиционной шкале, поскольку фактор одушевленности начинает как

бы внедряться в фактор пространственной выделяемости. В результате появляются пространственные объекты, несущие в себе антропонимическую характеристику, т.к. в их наименовании использовано имя определенного выдающегося ученого или первооткрывателя. В ряде случаев имеет место перенос имени собственного на неодушевленный объект, т.е. превращение антропонима в обычное нарицательное имя существительное (типа: *рентген*, *рентгеновские лучи*). В таком случае можно говорить о расширении фактора одушевленности и его миграции по направлению к сфере неодушевленности. Однако при переносе имени первооткрывателя на пространственные объекты идет процесс несколько иного рода. Например, в земнотопонимах: *Washington* – политический деятель, *Washington* – город, расположенный в Северной Америке; в гидронимах: *Беринг* – крупнейший мореплаватель, *Берингов пролив* – пролив, названный в честь этого путешественника; в астронимах: *Анна Герман* – известная певица и звезда, открытая недавно и названная в ее честь, *Венера* – имя римской богини любви и наименование планеты Солнечной системы. Это явление носит широко распространенный характер: идет мигрирующее влияние антропонимического фактора на топонимический. Но это влияние не снимает специфических особенностей пространственной выделяемости топонимов и их языковой целостности.

В данном случае можно констатировать три черты, свойственные топонимам, астронимам, космонимам и отличающие их от антропонимов: во-первых, относительную открытость топонимической сферы; во-вторых, их устойчивость; в-третьих, их уникальность.

Следовательно, языковой материал свидетельствует о возможности не только перехода, но и превращения (точнее, наложения) одушевленного фактора на неодушевленный, который затрагивает зону действия объектов пространственной ориентации. Однако обратного движения, т.е. перехода пространственного фактора на наименование одушевленных объектов как их первичного называния, насколько показывает фактический материал, не наблюдается, за исключением случаев, которые связаны с теонимами.

Если посмотреть на этот процесс с исторической точки зрения, то, обращаясь к свидетельствам древних источников, получим следующую картину. Заимствованный у древних греков римский пантеон богов, как известно, включал в себя иерархическую лестницу их положения на Олимпе, где Зевсу-Юпитеру принадлежала верховная власть, которую он получил в результате многочисленных битв с титанами. Имя его, присвоенное одной из планет Солнечной системы, раскрывает исходные этапы переноса теонима как воспринимаемого религиозного оду-

шевленного фактора на пространственный объект, место расположения которого закрепляется на линии движения небесных светил, как на той орбите, которая остается неизменной. Такое же перемещение теонима наблюдается с наименованием планет Венеры, Меркурия, Марса, Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, Плутона. Земля – третья планета нашей Солнечной системы, но занимающая пятое место среди больших планет, именовавшаяся вначале Геей по имени жены Зевса – богини земли и плодородия.

Нас в этой связи интересует выявление языковых закономерностей в связях антропонимических, теонимических и топонимических, космонимических и астронимических единиц в тех случаях, где в основе их искусственного названия лежит одно и то же имя собственное, запечатлевшее в себе процесс его постепенного восхождения от сферы земной одушевленности к сфере космического пространства.

Если говорить о ретроспективном расширении фактора одушевленности, то его движение не имеет прямой направленности: от имени бога или богини к имени человека. Невозможность такой прямолинейности объясняется существовавшей в религиозном сознании недопустимости приравнивания человека к божественной личности. Однако со временем при разработке карты звездного неба, наименования наиболее приближенных к нам и видимых невооруженным глазом небесных объектов начинается движение к наименованию человека. Этот процесс связан, по-видимому, с ростом интереса к окружающему нас внеземному пространству. Расцвет астрономических взглядов, как известно, с одной стороны, был определен необходимостью выбора наиболее подходящих условий для сельскохозяйственной деятельности человека, а с другой – определялся изучением тех астрологических влияний, которые, как полагали астрологи, оказывают звезды на поведение человека, формируя его характер и определяя его поступки в определенных типологически повторяющихся ситуациях. Поэтому уже в странах древнего мира (Вавилон, Египет, Сирия, Персия и др.) небо было соотнесено с месяцами годового цикла, каждый из которых имел свое наименование (типа: Телец, Рыбы, Стрелец и т.д.) и человек, рожденный под соответствующим небесным знаком, обладал суммой предписываемых ему качеств. При этом сам человек мог не знать (и, как правило, не знал) космического местонахождения сопутствующего ему небесного знака, но сама связь с этим знаком представлялась ему несомненной.

Таким образом, шло возвратное, т.е. рекуррентное движение к небесному объекту, а от него к человеку, сближающему его с этим объектом. При таком соотнесении наименование новорожденного по имени плане-

ты, входящей в определенный месяц в знак Девы, Льва, Весов, Стрельца и др. знаков, не представлялось чем-то святотатственным. Такое наименование было вторичным по отношению к богу, т.к. шло от имени планеты, которая уже заключала в себе силу могущество, смелость и другие свойства, присущие тому или другому богу.

Итак, в принципе движение от пространственного, т.е. неодушевленного объекта к объекту одушевленному нами не исключается. Но его направленность является, во-первых, не прямой, т.к. носит рекуррентный характер, и, во-вторых, вторичной, т.к. появляется на основе переноса с уже имеющегося астрального тела на тело одушевленное.

Библиографический список

1. Брунов А.В. Топонимы в их отношении к терминам и детерминологическим единицам // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2011. № 2. С. 61–68.
2. Кошечая И.Г. О тройной сегментации времени и пространства // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 64–67.
3. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 2001.

Р.С. Манучарян

Оформленность русских прилагательных и их разряды в характерологическом аспекте

В статье устанавливаются грамматические и лексико-грамматические особенности русского прилагательного относительно ряда языков постсоветских республик. Выбор этого круга языков определяется социолингвистическими факторами. Материалы статьи могут быть полезны для преподавателей русского языка как неродного.

Ключевые слова: имя прилагательное, специфика языка, лингвистическая характеристология, русские относительные прилагательные, специфика русских прилагательных.

Лингвистическая характерология определяется в самом общем виде как «отрасль языкознания, изучающая на основе общего языкознания важнейшие особенности данного языка в синхроническом плане» [1, с. 219].

В научной и методической литературе, посвященной изучению русского языка как неродного, до сих пор встречается безотносительное перечисление «специфических особенностей русского языка» (таких, как флективность, синтетичность, развитое словоизменение, наличие категорий рода, вида и т.д.), что имеет условную значимость. Специфика любого языка не существует «вообще», «в отключенном виде», по удачному выражению К. Мустейкиса. «Один и тот же язык может обладать многими и разными “спецификами”, в зависимости от того, с точки зрения какого языка он будет рассматриваться» [7, с. 3]. Так, категория рода выступает как специфическая особенность русского языка на фоне английского, но не немецкого. К этому надо добавить, что разные «специфики» могут обнаруживаться у данного языка и относительно каких-то групп языков, этим определяется один из вариантов характерологического подхода [4].

Типологическое взаимоотношение русского и других славянских языков как близкородственных уже было предметом многочисленных исследований и к тому же представляет собой особую задачу. Поэтому уже в предыдущих работах данного направления, посвященных русским категориям рода и числа, мы ограничили «фоновую группу» неславянскими языками постсоветских республик [5; 6]. Генетически и типологически эти языки различны, но часть их образует однородные и даже тесные типологические группировки (это относится к тюркским, включающим азербайджанский, и балтийским языкам), что и теоретически, и практически немаловажно. В целом же выбор такого круга языков определяется, в первую очередь соображениями социолингвистического порядка (национально-русское двуязычие, тесные языковые контакты, сохранение русским языком функции средства межнационального и межгосударственного общения).

Переходя непосредственно к интересующим нас именам прилагательным, прежде всего обратим внимание на то, что в общелингвистическом аспекте прилагательное как часть речи «не только не является универсальной категорией, но составляет класс слов, наименее специфицированный по сравнению с другими морфолого-синтаксическими классами. Во многих языках прилагательное не выделяется как отдельная часть речи, имеющая свои морфологические и/или синтаксические характеристики... По-видимому, универсальным является деление прилагательных на качественные и относительные... Качественные значения, которые выражаются прилагательными, универсальны и имеются во всех языках...

В языках, где есть согласование, прилагательные имеют согласовательные категории, которых не может быть больше, чем соответствующих категорий у существительного» [3, с. 397–398].

Идентификация слов и целых классов слов разных языков как прилагательных в принципе должна базироваться на общности их семантико-синтаксических свойств (обозначение непроцессуального признака предмета в функции, прежде всего, определения), поскольку морфологические признаки обнаруживают по языкам большое своеобразие. Что касается состава класса прилагательных и их разрядов, то он колеблется в разных классификациях и для разных языков. В русском языкознании последних десятилетий все большее распространение получает широкая трактовка: по способности входить в именную группу с согласованием к прилагательным относят и другие слова, обозначающие непроцессуальный признак предмета, – порядковые числительные и некоторые разряды местоимений.

С другой стороны, входящие в класс прилагательных разряды слов допускают классификацию по разным основаниям: знаменательные и местоименные, качественные и относительные; среди относительных, в свою очередь, различаются собственно относительные – притяжательные и непритяжательные, порядковые и местоименные [8, с. 540].

Как отмечалось, деление на качественные и относительные прилагательные обнаруживает универсальность. Универсальным является, по-видимому, и наличие качественно-относительных прилагательных, поскольку устойчивое или контекстно обусловленное «окачествление» относительных прилагательных выступает как постоянно действующая тенденция, подтверждаемая фактами многих языков.

Имя прилагательное как отдельная часть речи обнаруживается во всех сопоставляемых нами языках, но степень его специфической морфологической оформленности неодинакова. Русский язык отличается наибольшей формальной дифференцированностью прилагательного не только в сравнении с агглютинативными (по преимуществу) языками – армянским, грузинским, азербайджанским и другими тюркскими, но и относительно таких флективных языков, как балтийские. Русские прилагательные коренным образом отличаются от существительных уже своими флексиями (исключение составляют лишь субстантиваты с окончаниями прилагательных и небольшая группа неизменяемых прилагательных, подобных неизменяемому существительному); при этом количество словоформ одного прилагательного достигает 28. Производные прилагательные отличаются еще и богатым набором специфических словообразовательных показателей (исключение составляют лишь отдельные

суффиксы, характерные и для субстантивов). Между тем в агглютинативных языках прилагательные вовсе лишены окончаний, неизменяемы, а специфические словообразовательные показатели (суффиксы) занимают, в сравнении с русским, весьма ограниченное место. Некоторые прилагательные грузинского языка, хотя и обнаруживают частичную склоняемость, но получают при этом флексии существительных. Что касается балтийских языков, то здесь окончания имен прилагательных и имен существительных очень часто совпадают, и не только в именительном, но и в ряде косвенных падежей.

Поскольку речевая деятельность осуществляется в самых различных условиях – благоприятных и неблагоприятных, с опорой на контекст и без такой опоры, понятно, что «узнаваемость» слов разных частей речи в различных языках представляет интерес и в лингводидактическом плане.

Перейдем непосредственно к рассмотрению лексико-грамматических разрядов прилагательных русского и сопоставляемых с ним языков.

Деление на качественные и относительные прилагательные известно всем рассматриваемым языкам, причем универсальными оказываются и многие «порождающие» свойства, характерные для качественных прилагательных русского языка, хотя агглютинативные языки проявляют меньшую формообразовательную и словообразовательную активность на данной базе (образование форм степеней сравнения, форм оценки, отвлеченных существительных, наречий). Подчеркнем, что по отношению к агглютинативным языкам наибольший контраст здесь составляет возможность образования кратких форм от русских качественных прилагательных.

Другая особенность русского языка относительно агглютинативных (армянского, грузинского, тюркских), а также и флективных балтийских языков состоит в очень широкой представленности и высокой продуктивности относительных прилагательных, образованных и образуемых от разных частей речи. Характерно, что во многих случаях русским относительным прилагательным в рассматриваемых языках соответствует форма родительного (притяжательного) падежа существительного, соответственно, сфера употребления родительного определительного здесь гораздо шире, чем в русском языке. Словообразовательные значения русских относительных прилагательных весьма разнообразны. Выделяют около 30 общих значений и значительное количество частных (ср. состоящий из, похожий на, содержащийся в, сделанный из, предназначенный для и др.), и предметом особого исследования может быть выяснение того, какие из них не находят словообразовательного соответствия во многих языках и почему.

По нашим наблюдениям, в сопоставлении с армянским специфически оказываются чаще всего русские относительные прилагательные со значениями «предназначенный для» (*бельевой, мальчиковый; дровяной, платяной; костюмный, сорочечный; сборочный, монтажный*), «находящийся на» (*стенной, башенный; настольный, настенный*). Если русское относительное прилагательное со значением «предназначенный для» является отглагольным и, соответственно, выражает модификацию данного значения («предназначенный для такого-то действия»): *вязальный, спальный, промывной*, то в армянском ему регулярно соответствует уже родительный падеж склоняемого инфинитива («неопределенного причастия»). Наличие такой возможности, вероятно, и объясняет отсутствие соответствующего относительного прилагательного.

Отметим попутно, что вообще соответствие причастий русским отглагольным относительным прилагательным оказывается довольно типичным для агглютинативных языков (во всяком случае, тех, которые рассматриваются нами).

Представляет интерес то обстоятельство, что в функции и синтаксической позиции относительного прилагательного употребляются и номинативные (начальные) формы существительных – как в армянском, так и в тюркских языках. Для последних это характерно при обозначении признака по материалу, веществу: *железная кровать – темир каравот, каменная стена – тош девор*. Ср. арм. *ton or* (праздничный день), букв. «праздник день».

Контрастной особенностью русского языка относительно всех рассматриваемых здесь языков (армянского, грузинского, тюркских, балтийских) является наличие притяжательных (*мамин, отцов*) и притяжательно-относительных (*лисий, девичий*) прилагательных с характерными суффиксами. Эти прилагательные, в особенности притяжательные, в самом русском языке занимают особое место в разных отношениях. По характеристике В.В. Виноградова, в прилагательных типа *сестрин, отцов* «отсутствует живой аффикс качественности *-ый*. Формы склонения резко отличают эти прилагательные от несклоняемых кратких форм качественно-относительного разряда; притяжательные прилагательные употребляются в функции определения предмета и в функции предиката. Тип их склонения смешанный, совмещающий окончания имен существительных и прилагательных. Естественен вывод: притяжательные прилагательные лишены оттенка качественности, и сама прилагательность их условна» [2, с. 165].

С притяжательными прилагательными семантически сходны русские притяжательные местоимения-прилагательные (*мой, твой, наш, ваш, свой*). Примечательно, что в рассматриваемых языках, за исключением

грузинского, нет как притяжательных прилагательных (а также притяжательно-относительных), так и притяжательных местоимений как самостоятельных слов. Притяжательным и притяжательно-относительным прилагательным русского языка регулярно соответствуют генитивные формы субстантива, а притяжательным местоимениям-прилагательным – формы родительного падежа личных местоимений (ср. аналогичные формы в функции притяжательного местоимения III лица в русском: *его, ее, их*). Несколько особняком стоит литовский, где притяжательными местоимениями считаются застывшие формы родительного падежа иных местоимений. Во всех этих случаях грамматическая форма выражения принадлежности остается тождественной – родительный падеж. Показательно, что в армянском и тюркских языках имеются и другие способы выражения принадлежности – притяжательные артикли, присоединяемые к существительным постпозитивно (в армянском), притяжательные суффиксы (в тюркском).

В заключение заметим, что в лингводидактическом аспекте особого внимания заслуживает наличие и употребление в русском языке специфического притяжательного местоимения-прилагательного *свой*, которое, обозначая принадлежность любому из трех лиц, является одновременно возвратным, т.е. относится только к субъекту действия (состояния). В лингвометодической литературе отмечается, что несоблюдение условий употребления данного местоимения приводит к таким ошибкам, как «свой брат уехал». Правильное (прежде всего, недвусмысленное) употребление местоимения *свой* представляет сложность и для многих носителей русского языка, а между тем в пособиях по современному русскому языку соответствующие правила часто не формулируются.

Выделенные характерологические особенности русского прилагательного, в конечном итоге, правомерно поставить в связь с основополагающим фактором – аффиксацией, которая в русском языке отличается особой широтой, разнообразием и продуктивностью. Это относится как к сфере формообразования, так и к сфере словообразования.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Виноградов В.В. Русский язык, М., 1986.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
4. Манучарян Р.С. Вопросы характерологического освещения русской морфологии // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рожд. акад. В.В. Виноградова: Тезисы докладов. М., 1995. С. 107–108.

5. Манучарян Р.С. Русская категория рода в характерологическом освещении // Семантика языковых единиц. Доклады V международной конференции. Т. 1. М., 1996. С. 240–242.
6. Манучарян Р.С. Русская категория числа в характерологическом освещении // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 2. М., 1998. С. 21–24.
7. Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972.
8. Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. М., 2005.

А.Н. Руссу

Вариантные формы англо-американских глаголов в современном немецком языке

В данной статье исследуется проблема вариантности заимствованных англо-американских глаголов, пополнивших лексический фонд немецкого языка в последние десятилетия. Анализу подвергаются вариантные грамматические формы коллоквиальных глаголов. Варьирование форм англо-американских глаголов в немецком языке рассматривается как закономерный процесс, сопровождающий освоение иноязычной лексики в языке-реципиенте. Результатом этого процесса является употребление грамматических форм глаголов с разной степенью ассимиляции, в том числе гибридных форм.

Ключевые слова: вариантность, вариант, иноязычное слово, англоамериканизм, глагол, грамматическая форма, ассимиляция.

В процессе расширения словарного состава немецкого языка на современном этапе значительное место занимают англо-американские заимствования. Влияние английского языка, особенно его американского варианта, на современные языки обусловлено политическим, экономическим, научно-техническим влиянием США в общем процессе глобализации, а также культурологическими факторами. Появление иноязычной лексики объясняется рядом причин: необходимостью в номинации новых предметов, явлений и процессов, развитием терминологии в связи с расширяющимися знаниями, точностью и краткостью наименования. Иноязычные

единицы используют с целью эвфемизации, синонимии выразительных средств. Заметно влияние англоамериканизмов в молодежной среде, особенно восприимчивой к новому, необычному, как в стиле жизни, технике и культуре, так и в языке. В молодежных сообществах значимым фактором является общность интересов, в этом случае заимствования выступают в качестве маркера принадлежности к определенной субкультуре. Использование англоамериканизмов демонстрируется, возможно, неосознанно, космополитичность, открытость миру, знание престижного языка и новых тенденций в стиле жизни, технике, в развитии современного общества и культуры в целом. Нередко иноязычные единицы, первоначально использовавшиеся в молодежных сообществах, переходят в разряд разговорной лексики [6, с. 97].

Как известно, в принимающем языке иноязычные слова претерпевают ряд структурных и семантических изменений. Они включаются в определенную словоизменительную парадигму, вступают в словообразовательные процессы, приспосабливаются к звуковому строю языка. В письменной речи иноязычные слова меняют свой графический облик в соответствии с требованиями графической системы языка-реципиента. Интегративные процессы происходят постепенно, от момента заимствования до полного освоения иноязычные слова выступают в разнообразных промежуточных формах, в которых присутствуют признаки единиц языка-донора и языка-реципиента.

Данные промежуточные формы являются вариантами слова. Под вариантами слова вслед за К.С. Горбачевым мы понимаем регулярно воспроизводимые видоизменения одного и того же слова, сохраняющие тождество морфолого-словообразовательной структуры, лексического и грамматического значения и различающиеся либо с фонетической стороны, либо формообразовательными аффиксами [1, с. 17]. В соответствии с таким подходом варианты классифицируют по формальным признакам как фонетические и морфологические, а с учетом письменной формы существования языка выделяют также орфографические варианты.

В данной статье исследуется вариантность англоязычных глаголов в аспекте морфологии. В качестве источников материала были привлечены данные корпуса «Deutsches Referenzkorpus» [8] и проекта «Deutscher Wortschatz» [12]. Кроме того, сбор материала осуществлялся на немецкоязычных сайтах при помощи поисковой машины *Google*. Обращение к интернет-ресурсам обусловлено спецификой языка Интернета, для которого характерно использование актуальной лексики, слияние элементов устной и письменной речи [14, с. 7]. Лексика, преимущественно используемая в устной форме коммуникации, представлена в социальных сетях,

блогах, форумах, комментариях к сообщениям электронных СМИ в письменном виде. Безусловно, результаты поисковых запросов не предполагают их однозначной интерпретации. Причиной тому являются ошибки и опечатки пользователей, динамичность данных, невозможность установить, является ли автор текста носителем немецкого языка, и ряд иных факторов. Однако исследование морфологических особенностей употребления англо-американской лексики на примерах из интернет-источников позволяет выявить общие тенденции, характеризующие процесс вхождения данных единиц в немецкий язык на современном этапе, и дополнить актуальными сведениями уже известные положения вариатологии, касающиеся немецкого языка.

В данном исследовании объектом изучения выступают следующие группы глагольных англо-американских заимствований: 1) материальные заимствования – слова, звуковые оболочки которых в языке-реципиенте в той или иной степени «копируют» звучание этих слов в языке-доноре [3, с. 89]: *twittern, faken, outen, leaken, brainstormen*; 2) структурные полукальки – единицы, образованные путем перевода части иноязычного слова при сохранении другой части слова непереуведенной: *aufreppen, ausschillen, einloggen*. Вместе с этой группой рассматриваются также лексические единицы, образованные на основе англоязычного слова путем эксплицитной деривации с участием немецких словообразовательных средств: *durchchecken, verchecken, abdancen, herumdancen*.

Как известно, включение заимствованных глаголов в морфологическую систему немецкого языка происходит в соответствии со схемой образования форм слабых глаголов. Морфологически освоенные заимствованные глаголы могут употребляться практически во всех грамматических формах, разумеется, с учетом их семантики. Инфинитив заимствованного глагола получает в немецком языке суффикс *-en*. Глаголы спрягаются, форма претерита образуется от основы инфинитива при помощи суффикса *-(e)te*, причастие II образуется по схеме образования причастий слабых глаголов *ge-* + основа инфинитива + *-(e)t*. По данной схеме ранее были освоены такие единицы, как *filmen – filmte – gefilmt, starten – startete – gestartet, faxen – faxte – gefaxt, liften – lifete – geliftet, jetten – jettete – gejettet, checken – checkte – gecheckt* и др.

Однако в лингвистической литературе высказывается мнение, что заимствованная немецким языком в последние десятилетия англоязычная лексика не настолько подвержена интегративным процессам в сфере морфологии. Кроме того, отмечается, что в зависимости от степени освоенности и частотности употребления заимствованные глаголы выступают не во всех формах, наиболее частотными формами являются причастие и инфини-

нитив [7, с. 560]. Исследование эмпирического материала показало, что на полноту парадигмы заимствованных глаголов, частотность употребления и вариативность форм также влияет их словообразовательная структура. Выявленные варианты глаголов по словообразовательной структуре относятся к простым непроизводным, префигированным и композитным глаголам.

Рассмотрим специфику вариантности форм в названных группах глаголов.

Анализ показал, что заимствованные простые непроизводные глаголы, например *chillen, posten, bloggen, shoppen, chatten, dancen, voten, daten, leaken, adden, skaten, fighten, killen, gamen, faken, piercen, stylen, outen, liken, pushen, hypen, twittern*, используются во всех личных формах, а также в форме причастия II и инфинитива. Это же утверждение справедливо для глаголов-полукалек и производных глаголов: *abbitchen, abchecken, ausschillen, aufpeppen, ausflippen, wegzappen, herumdancen, abdancen, auftunen, remixen, relaxen, (sich) reloggen, (sich) einloggen*. Впрочем, заимствованные глаголы наиболее активно выступают в форме причастий при образовании перфекта, в качестве предикатива, в безличных конструкциях либо в составе конструкций страдательного залога.

Вариантные свойства заимствованных глаголов проявляются при образовании форм первого, второго и третьего лица единственного числа презенса, претерита, причастия II. Анализ свидетельствует о параллельном функционировании морфологически адаптированных, неадаптированных и гибридных англо-немецких форм.

При описании параллельных форм глаголов прежде всего необходимо отметить, что в ряде случаев возникают трудности с определением основы инфинитива глагола, к которой должен примкнуть формообразовательный формант. Данная проблема возникает тогда, когда основа глагола-прототипа в инфинитиве оканчивается на немое *-e*, как в единицах *to like, to fake, to pierce*. Создатели лексикографических источников немецкого издательства «Duden» руководствуются тем правилом, что основа английского глагола выделяется путем отделения формообразовательного форманта, например: *liking = lik- + -ing*. В соответствии с этим принципом рекомендуется следующее образование форм в немецком языке: *to fake > faken – fakte – gefakt, du fakst, er fakt*. Однако анализ фактического материала выявил колебание форм основы в презенсе, например: *du gamst / gamest, likst / likest, hypst / hypest, fakst / fakest, er likt / liket, gamt / gamet, danct / dancet*; в претерите: *ich gamte / gamete, er dancete / dancete*; в причастии II: *aufgetunt / aufgetunet, abgespact / abgespacet*.

В третьем лице единственного числа презенса варианты ряды пополняются также за счет использования в функции презенса заимствованной

формы спряжения с английским формообразовательным суффиксом *-ed*: *er pusht / pushed, postet / posted, datet / dated, fightet / foughted, leakt / leaked, chillt / chilled, likt / liket / liked, flasht / flashet / flashed, gamt / gamet / gamed, dancet / dancet / danced*.

Возможно, что формант *-ed* является отсылкой к англоязычному слову-прототипу, благодаря которому слово легче идентифицировать и таким образом предупреждается недопонимание, как, например, в следующем предложении: *Er liked und kommentiert die Fotos seines Schwarms*. Однако это не объясняет использования данной формы в случаях с хорошо распознаваемыми словами: *Sie danced schon in den Discos bis zum Umfallen und ich stehe immer noch täglich vor dem Spiegel und übe, übe, übe!*

Отметим, что в единичных случаях данная заимствованная грамматическая форма обнаруживается также в функции претерита, предикатива, обстоятельства, как причастие в аналитических глагольных конструкциях.

Вариантные ряды причастия II включают формы, образованные в соответствии с грамматической нормой немецкого языка, т.е. с префиксом *ge-* и суффиксом *-(e)t*, и гибридные формы, в которых сочетаются формообразовательные форманты и немецкого, и английского языков.

Причастия II, образованные от простых непроезводных глаголов, от структурных полукалек, а также от производных глаголов с немецкими словообразовательными полупрефиксами, образуют двух- и трехкомпонентные варианты ряды: *gepostet / geposted, gedatet / gedated, gechattet / gechatted, getwittert / getwitteret / getwittered, gebloggt / geblogget / geblogged, aufgebitcht / aufgebitchet / aufgebitched, abgespact / abgespacet / abgespaced, abgedanct / abgedanced / abgedancet*.

Форму причастия II с суффиксом *-(e)t* П. Шлобински объясняет как результат оглушения финального звонкого согласного *-d* в немецком языке и сводит ее к вопросу фонетической/фонологической интеграции и ее графической маркировки [13]. С нашей точки зрения, это утверждение справедливо лишь отчасти. О фонологической интеграции и ее маркировке можно говорить в тех случаях, когда вместо смешанных англо-немецких форм, как *getwittered, geblogged*, используются варианты формы, также еще гибридные, в которых графически выражено оглушение финального согласного: *getwitteret, geblogget*. Вариантные формы *getwittert, gebloggt* образованы уже в соответствии с требованиями морфологической системы немецкого языка, что свидетельствует о действии морфологических интегративных процессов. Глаголы с основой на дентальные *-t, -d* получают в причастии II и в личных формах эпентезу *-e-*, как например *posten – gepostet, daten – gedatet*, что также полностью соответствует нормам немецкого языка, ср. *kosten – gekostet*.

В следующую группу вариантных форм включены причастия II, образованные от префигированных глаголов, таких как *reloggen*, *disconnecten*, *supporten*. Здесь вариантность проявляется в употреблении формообразовательного префикса *ge-*. Помимо форм, образованных от производных глаголов без участия немецкого префикса *ge-*, выявлены варианты причастий с указанным префиксом: *reloggt* / *relogged* / *gereloggt* / *gerelogged*, *disconnectet* / *disconnected* / *gedisconnectet* / *gedisconnected*, *remixt* / *remixed* / *remixet* / *geremixt* / *geremixed* / *geremixet*, *supportet* / *supported* / *gesupportet* / *gesupported*. В немецком языке глаголы с неударными словообразовательными префиксами образуют формы причастия II без префикса *ge-*, что служит образцом для образования таких форм, как *remixt*, *restartet*, *supportet*. Употребление вариантной формы причастия II с префиксом *ge-* можно объяснить непрозрачностью словообразовательной структуры иноязычного слова для коммуникантов с невысоким уровнем языковой компетентности.

Группу вариантных композитных глаголов составляют глаголы, образованные от английских фразовых глаголов, именных и глагольно-именных сочетаний, например: *mountainbiken*, *crossboarden*, *hiphoppen*, *breakdancen*, *crossdressen*, *hitchhiken*, *updaten*, *downloaden*.

Заимствованные композитные глаголы характеризуются неполной парадигмой. Употребление большинства глаголов-композигов в основном ограничивается инфинитивом, часто субстантивированным. Исключениями являются глаголы *babysitten* и *brainstormen*, выступающие во всех личных формах.

Трудности в употреблении иноязычных композитных глаголов обусловлены таким свойством немецкого языка, как делимость инициального компонента в составных глаголах при образовании личных форм. Необходимо отметить, что наличие в составе глагола двух основ вызывает определенные проблемы с образованием форм и в тех случаях, когда речь идет об исконной немецкой лексике.

Так, с учетом множества факторов делимости/неотделимости глагольных элементов инициальный компонент сложных глаголов в немецком языке может быть отделяемым во всех формах: *freisprechen* – *sprach frei* – *freigesprochen* – *freizusprechen*, неотделяемым во всех формах: *staubsaugen* – *staubsaugte* – *gestaubsaugt* – *zu staubsaugen*, и, кроме того, существует смешанная парадигма, в которой инициальный компонент глагола в неличной форме выступает как отделяемый, а в личной форме – как неотделяемый: *notlanden* – *notlandete* – *notgelandet* – *notzulanden*.

Отсутствие однозначной модели для образования форм композитных глаголов ведет к ограничению в употреблении личных форм заимствованных глаголов, а решение о способе образования формы, как прави-

ло, принимается индивидуально носителем языка и нередко спонтанно. Примеры вариантного употребления форм разговорного композита *babysitten*, выявленные на немецкоязычных сайтах, служат наглядной тому демонстрацией.

Презенс: *Ich babysitte gerne ihr(e) Kind(er)!*; *Ich sitte baby seit ich 13 Jahre alt bin*; *Ich bin zu der Zeit in der anderen Hansestadt und sitte Baby*.

Причастие II в составе перфекта: *Ich habe bereits während meiner Schulzeit babygesittet*; *Eine Zeitlang habe ich auch nachts gebabysittet*.

Зависимый инфинитив: *Ich habe mit 13 Jahren angefangen im Bekanntenkreis babyzusitten*; *Vorgestern hatte ich unerwartet das Vergnügen zu babysitten*.

Заметим, что кодифицированными формами являются *sie babysittet*, *hat babygesittet*. Мы разделяем точку зрения, согласно которой вариантное образование причастий композитных глаголов с префиксом *ge-* в начале слова, равно как и использование английского форманта *-ed*, объясняется тенденцией к сохранению оболочки слова-прототипа [2].

Следует отметить, что формы, образованные в соответствии с требованиями грамматического строя немецкого языка, по частотности значительно превосходят гибридные формы. Смешанные англо-немецкие формы характерны для некодифицированной речевой сферы. Они выявлены в основном в блогах и на форумах в Интернете. Тем не менее, обнаруживаются случаи употребления гибридных форм и в электронных СМИ. Впрочем, гибридные формы *gefaked*, *geliked*, *aufgetuned*, *abgedanced*, *gestyled* достаточно широко употребительны, особенно в функции предикатива либо в конструкциях страдательного залога, поэтому можно даже говорить об их конкуренции в некодифицированной речи с немеченными формами причастия II.

Во флективной форме в атрибутивной функции причастие II употребляют, как правило, в морфологически ассимилированной форме, однако наблюдаются также случаи колебания форм: *diese total abgespacede Leggings*, *eine abgespacete Party*, *abgespacte Pläne*; *geleakede Alben*, *geleakete Infos*, *geleakte Szene*; *eine overdressede Mom*, *overdressede Modepüppchen*, *overdresste Damen*, *total overgedresste Leute*.

Равноправными по частотности употребления в нефлективной форме являются заимствованная в середине 1980-х гг. форма причастия *relaxed* и образованная после распространения в немецком языке в начале 1990-х гг. глагола *relaxen* ассимилированная форма *relaxt*. В атрибутивной функции доминирует ассимилированная форма: *helle, relaxte und charmante Wohnung*. В речи обнаруживается неустойчивость форм как во флективной форме причастия: *relaxte Tage am Strand*, *eine total relaxete Wellnessreise*,

angenehme relaxede Atmosphäre, так и в нефлективной форме в функции полнозначного глагола, ср.: *Haben nach der Segeltour noch 2 Tage in Airline gerelaxt...*; *Tochter und ich waren heute beide in einem Erlebnisbad und haben uns gerelaxed.*

К заимствованным в исконной форме языка-источника причастиям относятся также лексемы *overdressed*, *underdressed*, *overstyled*, *stoned*, *unplugged*. Однако вследствие действия интегративных процессов в обиходе появляются и (частично) онемеченные вариантные формы, как *overdresst* / *overdressedet*, *overstylt* / *overgestylt*, *gestonet*, *unplugget*.

Из всех названных выше примеров подавляющее большинство форм обнаруживает вариантные свойства только в письменной коммуникации, поскольку английский суффикс *-ed* и немецкий суффикс *-(e)t* произносятся чаще всего одинаково с учетом оглушения в немецком языке конечного звонкого согласного. Фономорфологическая вариантность проявляется в парах при условии сохранении английского произношения суффикса *-ed* как [ɪd] в тех случаях, когда суффикс находится в позиции после согласных *t*-, *d*-: *gepostet* / *geposted*, *gevotet* / *gevoted*, *gedatet* / *gedated*.

Колебания в звуковой оболочке слова обнаруживаются, разумеется, и в тех случаях, когда вариантность вызвана неустойчивостью употребления формы причастия производного и композитного глагола с префиксом *ge-* или без него, а также связана с позицией префикса в словоформе или с отделяемостью/неотделяемостью инициального компонента композитных глаголов.

Как нам представляется, анализируемые иноязычные лексемы во многих случаях воспринимаются носителями немецкого языка как чужеродные, искусственные, а в процессе употребления данных единиц возникает чувство неуверенности. Так, обнаружены случаи, когда в одном и том же сообщении используют одновременно параллельные формы, ср. образование причастия II от глагола *skaten* в следующем отрывке из сообщения на новостном сайте г. Маннгейма: *Am Mittwoch wird wieder geskated. Am Mittwoch, 8. August, findet der sechste Inline-Lauf statt. Diesmal wird die Neckarstadt-Route mit 28,5 Kilometer geskated.*

Нередко заимствованные единицы в процессе письменной коммуникации заключаются в кавычки, что также свидетельствует об искусственности используемой формы. Впрочем, выделение с помощью кавычек может являться и показателем языковой игры. Иноязычные единицы, особенно в непривычной форме, обладают сильным эффектом новизны и привлекают к себе внимание.

Итак, варьирование форм англо-американских глаголов в современном немецком языке обусловлено, с одной стороны, интегративными процес-

сами, а с другой – тенденцией к сохранению оболочки слова-прототипа. Вариантность объясняется и тем, что заимствуются готовые формы спряжения глаголов англоязычного происхождения. В зависимости от словообразовательной структуры глагола вариантный ряд может охватывать до шести элементов, при этом наибольшая длина вариантного ряда обнаруживается среди форм причастия II композитных и производных глаголов. Словообразовательная структура глаголов также влияет на частотность их употребления и полноту парадигмы. Глаголы выступают чаще всего в функции предикатива, в конструкциях страдательного залога, как полнозначные глаголы в перфекте. Использование неологических англо-американских глаголов в личной форме ограничено и в большей степени характерно для простых и производных глаголов. Основной особенностью вариантности англоязычной глагольной лексики на современном этапе развития немецкого языка является существование гибридных грамматических форм, характеризующихся сочетанием формообразовательных формантов из разных языковых систем. Подчеркнем, что гибридные англо-немецкие варианты форм глаголов типичны для некодифицированной речевой сферы, но отмечается их использование и в СМИ.

Библиографический список

1. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / Отв. ред. Ф.П. Филин. Изд. 2-е. М., 2009.
2. Кобенко Ю.В., Столярова А.К. Особенности спряжения сложных заимствованных глаголов англоязычного происхождения в немецком языке // Современные проблемы науки и образования: Электронный научный журнал. 2013. № 2 (46). URL: www.science-education.ru/108-8805 (дата обращения: 23.10.2013).
3. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: Словарь-справочник. М., 2013.
4. Шемчук Ю.М. Варианты в молодежном социолекте как проблема вариологии // Иностранные языки в высшей школе. 2013. № 1 (24). С. 36–39.
5. Шемчук Ю.М. Заимствование как проявление гетерогенности и следствие лингвотолерантности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1 (24). С. 213–215.
6. Шемчук Ю.М. Лингвотолерантность в эпоху глобализации // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 1. С. 95–98.
7. Androutsopoulos J.K. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen. Frankfurt a. M., 1998.
8. Deutsches Referenzkorpus. URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 23.10.2013).
9. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. 4. Aufl. Mannheim, 2012 [CD-ROM].

10. Duden. Neues Wörterbuch der Szenesprachen. URL: <http://szenesprachenwiki.de/> (дата обращения: 23.10.2013).
11. Polenz P. von. Geschichte der deutschen Sprache. 10., völlig neu bearbeitete Auflage von N. R. Wolf. Berlin – NY, 2009.
12. Projekt Deutscher Wortschatz. URL: <http://wortschatz.uni-leipzig.de/> (дата обращения: 23.10.2013).
13. Schlobinski P. Anglizismen im Internet. URL: <http://www.websprache.uni-hannover.de/networx/docs/networx-14.pdf> (дата обращения: 23.10.2013).
14. Schlobinski P. Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektiven // Websprache.net. Sprache und Kommunikation im Internet / Hrsg. von Siever T., Schlobinski P., Runkehl J. Berlin – NY, 2005. S. 1–14.

Л.К. Свиридова

Категория тождества в процессе осознания объекта

Статья посвящена рассмотрению одной из основных лингвистических категорий, с помощью которой происходит переход языковых форм в речевые, а именно – категории тождества. Автором выдвигается положение о двух формах проявления данной категории. Благодаря многоуровневости, с помощью которой языковая картина мира отображает действительность, используя категорию тождества, последняя рассматривается как стимулятор языкового роста. Категория тождества представляется тем комплексным явлением, с помощью которого находят наиболее адекватные способы идентификации объекта.

Ключевые слова: категория тождества, языковая картина мира, язык, речь, речевая ситуация.

Языковые категории можно разделить на ведущие, к числу которых относятся категория времени, пространства, количества, качества и, естественно, категория тождества, объединяющая их воедино как своих реализаторов, и субординированные им, такие как категория рода, падежа, транзитивности, которые в связи с их второстепенной ролью в ряде языков вообще себя не проявляют.

Категорией, которая осуществляет перевод языковых форм в речевые, является категория тождества. Являясь частью языковой материи, эта категория выступает в то же время компонентом речи, внутренне взаимосвязанным с каждой конкретно наименованной речевой структурой. Действие этой категории, выступающей в виде объективного психолого-лингвистического явления, заключается именно в осуществлении акта связи языка как относительно статичного явления с речью как явлением относительно динамичным. Поэтому категория тождества имеет две формы своего проявления: 1) прямую, когда язык переводится в речь; 2) обратную, когда речевые новообразования переходят в язык.

Мы исходим из того, что языковая материя формируется как единство трех языковых уровней: базисного, который концентрируется вокруг нашего сознания, системно-языкового, который абсорбирует в себе весь фонетический, лексический, грамматический состав каждого конкретного языка, и наконец, третьего или речевого уровня, который проявляется в акте коммуникации и является тем фактором, который провоцирует изменение языковых знаков в плане их эволюционного развития [3].

Итак, в своем функционировании, давая простор коммуникативной деятельности каждой отдельной личности, категория тождества может приводить к появлению эллиптизма, вызывать некоторые сдвиги в порядке следования единиц в коммуникативной цепи, опрошение, опущение вопросительного «do» типа:

LADY WINDERMERE: Come back to me?

или там же:

One more; come Agatha и т.д. Такие сдвиги имеют прямую форму проявления – перспективную.

Но распространение таких сдвигов, частотность их проявления может свидетельствовать об их прорастании во второй (системно-языковой) уровень, т.е. о такой обратной ретроспективной отдаче, когда они упрочаются в языке как синонимичные по отношению к существующим. Обратная форма этой категории может сопровождаться еще более глубокой миграцией, с проникновением в первый кодово-мыслительный уровень. При этом в зависимости от широты охвата и значимости сдвига категория тождества способна изменять структурный тип языка. Примером может служить начавшийся на индивидуально-речевом уровне распад флексий в английском языке и последовавший за ней переход языка из синтетического типа в аналитический, а от него – движение к корневому. Поэтому влияние стилистики на изменение языка, несомненно, носит кардинальный характер.

При этом грамматические категории языка и речи существенно различаются.

Ведущей категорией грамматики речи является категория тождества (или идентификации), которая изначально, будучи категорией понятийно-логического плана, проецирует построение всех языковых образований [5]. В основе категории тождества лежат два фактора.

1. Эмоциональная оценка действительности, т.е. необходимость пропустить отображаемый объект через субъективное восприятие личности. Такой субъективизм порождает наличие структурных моделей, каждая из которых может соотноситься с определенным участком действительности. Иными словами, категория тождества, создавая относительно устойчивые речевые формы, строится на соблюдении принципа идентификации как адекватности выбранной структуры и речевой ситуации. При этом вариативность уже существующих в языке и вновь создаваемых в речи моделей должна иметь некий общий инвариант, т.е. восходить к единому объекту мысли.

2. Темпоральная оценка, которая должна быть сохранена и представлена в пространственном и количественно-качественном выражении говорящим.

Отсутствие в языке адекватно зеркального отображения мира приводит к тому, что категория тождества создает в речи своего рода «зернистое» отображение действительности с трехмерным рядом форм: интонационных (фонетических), транзитивных (грамматических); конкретизированных, ассоциативных и синтезированных (лексических).

В этом плане категорию тождества можно рассматривать как стимулятор языкового роста, как импульс его внутреннего развития и расширения, ведущий к пополнению языка словарными единицами, грамматическими структурами, фонетическими новообразованиями, которые пунктуационно изображаются в виде: «?!» или «!!» и т.д., т.е. инновациями в выражении мелодики речи. По существу, появление новых слов, развитие синонимичных форм, построение высказываний в плане их многоступенчатости является следствием категории тождества.

Категория тождества – это та завершающая форма модальности, которая позволяет человеку стилистически идентифицировать объективный мир с помощью языкового инвентаря, преломленного в речи индивида. Поэтому данная категория в наибольшей мере зависит от объективного мира (все остальные речевые категории в этом смысле как бы наслаиваются на нее, являясь ее производными).

Но известно, что сам язык – не первичен. Первичен объективный мир, имеющий на первом уровне два вида позиций – моноцентричную и бицен-

тричную, и две формы языкового представления на втором уровне языкового преломления – центробежную и центростремительную. Эти формы, как максимально глубинные и начально поверхностные, не зависят от модальности. Воспринимаемые индивидом объекты кодируются либо в их количественной расчлененности и бицентричной центробежности, где есть два автономных центра (типа: *Он имеет учителя*); либо в их качественной слитности и моноцентричной центростремительности, когда имеется лишь один смысловой центр (типа: *Он – учитель*), созданный именно центростремительностью.

Преломление объекта действительности идет через логическую оценку, с которой начинается кодирование и которая лишена эмоций. В ней имеет место лишь констатация факта. Но в такой же мере как кодирование не существует без корректирования его языковым знаком, последнее не существует без соотнесения его с психологической оценкой, т.е. чувственным восприятием личности. В речевом плане весь этот процесс регулируется категорией тождества как идентификацией объектов. Она осуществляет способ соотнесения объекта с местом и временем его объективации языком.

Речевая ситуация включает отправителя и получателя информации, замкнутых в речевой цепи ответно-вопросной или любой иной оценкой объекта действительности. Такая оценка, предполагая идентификацию объекта (точнее: идентификацию выбранной стороны объекта), направлена на его понимание и выработку единого мнения о нем. Естественно, что речевая ситуация, в которой находится объект мысли, всегда в большей или меньшей степени приближена к говорящим. Можно сказать, что она выступает тем фоном, на котором не только воспринимается объект, но в котором сосуществуют речевые коммуниканты. Дело в том, что отправление и получение информации имеет не прямую линию связи, а замыкательную, т.к. информация не просто направляется от одного коммуниканта к другому, а в этом своем движении обращена к избранному объекту мысли. Таким образом, создается треугольник замкнутой связи, каждая сторона которого очерчена довольно четко (рис. 1).

Рис. 1

Объект мысли, приближенный к говорящему выбранной стороной (поскольку именно отправитель информации выбирает сторону объекта),

должен получить определенную идентификацию у коммуникантов (как получателей информации), оставаясь в пределах той же речевой ситуации. В связи с этим ситуация (даже в случае раздвижения ее исходных границ и территориального перемещения объекта) всегда приближена к говорящему.

Таким образом, категория тождества является тем комплексным явлением, с помощью которого мы находим наиболее адекватные способы идентификации объекта.

Библиографический список

1. Котовчихина Н.Д. Поэтика лирической прозы. М., 2010.
2. Кошечая И.Г., Свиридова Л.К. Грамматические значения и категории. М., 2011.
3. Кошечая И.Г. О тройной сегментации времени и пространства // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 64–67.
4. Свиридова Л.К. Повтор как одна из речевых форм категории тождества в драматургии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Лингвистика». 2011. Т. 2. № 6. С. 63–66.
5. Свиридова Л.К. Перевод как обязательное выражение категории тождества // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 2. С. 80–86.
6. Шемчук Ю.М. Варианты в молодежном социолекте как проблема вариологии // Иностранные языки в высшей школе. 2013. № 1 (24). С. 36–39.

А.Н. Себряк

Антропонимические репрезентанты афроамериканского сообщества в американском варианте английского языка

Статья посвящена особенностям многоплановой репрезентации личных имен афроамериканцев. Специфика ономастического знания выражается в тесной связи между диалектными знаниями и характером единиц регионального ономастикона. Репрезентация ономастического знания обеспечивается системами фонологических, синтаксических, грамматических и лексических единиц. Автор

исследует, как внутренний мир афроамериканцев и процессы, в нем происходящие, выражается в специфической лексике, словообразовании и именаречении.

Ключевые слова: афроамериканский английский, антропонимы, ономастическое знание, антропонимическая репрезентация, ономастикон.

Рассматривая такой лингвистический феномен, как *Black English*, следует обратить внимание на вопрос о его статусе. Часть лингвистов полагает, что *Black English* является самостоятельной частью американского варианта языка, которая обеспечивает решение всех коммуникативных потребностей афроамериканцев. Он обладает собственной фонетикой, грамматикой и лексической системой.

Исследовательский интерес к языку афроамериканцев возник только в начале XX в., несмотря на то, что афроамериканский фольклор уходит своими корнями в период рабства в США.

В истории становления и развития языка афроамериканцев, а также в его роли в современной Америке пересекаются многие направления: лингвистика, социология, философия, психология, политика, культурология и т.д.

Единство концептуального содержания и способов его репрезентации представляет собой содержание ономастической категории, ориентированной на систему лексических, словообразовательных и фонетических языковых средств.

Основой для репрезентации языкового знания и базой для формирования ономастического смысла является объективация и классификация структур представления антропонимического знания как составной части этого мира.

Установлено, что создание ономастических единиц предполагает использование средств различных уровней языка. При образовании антропонимов ономастический концепт «человек» репрезентируется такими элементами, как онимы – фонетические диалектизмы, акцентологические диалектизмы, онимы – словообразовательные диалектизмы, онимы – лексические диалектизмы или онимы-дубликаты [4, с. 31].

Ономастическое знание передается с помощью диалектных фонетических, словообразовательных и лексических форм. Это создает особенное влияние на территориальные отличия ономастического знания.

Специфика ономастического знания заключается в том, что характер единиц регионального ономастикона, передающих содержание ономастического концепта, тесно связан с диалектными знаниями, которые репрезентируются в языке с помощью диалектного концепта как особого типа знания о «территориальной вариативности языковых единиц, формирующей различные диалекты языка» [2, с. 3–9].

Н.Н. Болдырев и В.Г. Куликов, рассматривая типы диалектных концептов, выделяют три уровня, или три этапа в процессе формирования диалектного концепта. Согласно данному пониманию, на первом уровне сознание говорящего лишь выделяет отличительные элементы двух контактирующих диалектов, говоров, наречий. На втором уровне происходит процесс концептуализации, в ходе которого устанавливается сходство или различие «своих» или «чужих» фонем, лексем или отдельных грамматических форм диалекта. «Диалектное отличие и соответствие между фонемами, словами или грамматическими формами родного и чужого диалекта выступает в этом случае уже как структура представления знания, т.е. диалектный концепт» [2, с. 5–12].

Следовательно, диалектные знания используются человеком в процессе ономастической концептуализации как наиболее существенные. Речь идет о том, что в качестве основных способов языкового представления ономастических концептов являются различные языковые единицы: фонетическая структура, словообразовательная конструкция, лексическая единица, принадлежащие определенному диалекту.

Таким образом, формирование конкретных ономастических смыслов происходит в результате процесса профилирования в пределах концептосферы онимов. В этом случае ономастическая репрезентация предполагает высвечивание конкретного участка в пределах соответствующей когнитивной области, выделение какой-либо конкретной характеристики в содержании ономастического концепта. Уточнение ономастического смысла происходит при участии дополнительных лингвистических факторов, к числу которых относится не только семантический фактор, но и структура ономалексемы (грамматический фактор), когнитивный контекст, на фоне которого осмысливается та или иная единица (контекстуальный фактор) [4, с. 42–47].

Системы фонологических, лексических, грамматических и синтаксических единиц обеспечивают репрезентацию ономастического знания. Основным способом языкового представления ономастического знания служит фонетическая, лексическая и грамматическая репрезентация, имеются в виду различные способы передачи ономастического концепта в рамках фонетической структуры, словообразовательной конструкции и лексической единицы.

Внутренний мир афроамериканцев выражается через специфическую лексику. Но современные реалии в эпоху глобализации создают благоприятную почву для широкого распространения лексических единиц, стиля жизни и особенностей поведения афроамериканцев, тем самым делая их общепотребимыми и в других культурах.

Словарный состав афроамериканского английского языка основан на целом комплексе культурных, религиозных, социальных и политических связей. Но основополагающими пластами лексики являются афроамериканский фольклор и африканизмы. Этот язык возник в южных штатах, где на плантациях работали рабы, вывезенные из Африки. Чтобы сделать свое существование более безопасным и сохранить общинную и расовую сущность, рабам пришлось выработать особый язык, непонятный белым американцам. Таким образом появился *Black English*. Считается, что он развивался не менее столетия в условиях рабовладения и сегрегации.

В начале становления словарного состава языка афроамериканцев особую роль сыграл западно-африканский языковой фон.

Креолисты, придающие первостепенное значение роли африканских и креольских элементов в *Black English*, справедливо указывают на то, что в речи афроамериканцев сохранились реликтовые элементы тех африканских языков, носителями которых были их предки, завезенные работорговцами в Северную Америку. Такие элементы прослеживаются в основном в лексике и представляют собой африканизмы, проникшие главным образом из африканских языков гулла, мандинго и волоф сначала в речь чернокожего населения американского Юга. Сюда относятся такие единицы, как *buckra* «белый человек» < *mbakara* «хозяин» в языке ибибио (Южная Нигерия), *cooter* «черепашка» < *kuta* в языках бамбара и малинке, *goober* «арахис» < *nguba* в языке кимбунду, *voodoo* «вера в колдовство, шаманство, заклинание» (ср. также *hoodoo*) < *Vodu* «защитный дух» в языках фон и йу, *yam* «сладкий картофель» < *nyambi* в языке банту, *chigger* (*chigo*, *chego*, *chiego*) «блоха, клещ» < *jiga* «насекомое» в языке волоф и др. [3, с. 91].

Наиболее многочисленны различительные элементы *Black English* в области лексики, отражающей межрасовые отношения, сегрегацию афроамериканского населения, его объединение в рамках политических, социальных и этнических общностей. Так, например, большинство слов и понятий из лексикона *Black English*, обозначающие белых, имеют негативное, уничижительное значение: *Miss Ann*, *Ann*, *beast*, *Mista Charlie*, *Charlie*, *Charles*, *Chuck*, *honky*, *hunky*, *whitey*, (*white*) *devil*, *cracker*, *peck*, *peckawood*, *wood* и др.

Анализируя данный лексический слой, необходимо также отметить следующее: ряд слов с негативной оценкой, обозначающих белых, расширяет свою семантику и начинает употребляться в отрицательном значении, но уже применительно к черным. Так, первоначально слова *Ann* и *Miss Ann* употреблялись для уничижительного обозначения белой жен-

щины. Со временем такими именами стали презрительно называть черных женщин из высшего общества, которые подражают белым.

Количество идиом, отражающих положительную оценку тех или иных человеческих качеств белых американцев, представлено в словаре *Black English* единично, например, *blue-eyed soul brotha*, *blue-eyed soul sista*.

С другой стороны, в лексиконе *Black English* наблюдаются многочисленные наименования афроамериканцев, которые, подражая белым, предают интересы и традиции своего сообщества. Сюда относятся такие лексические единицы, как *Oreo*, *Tom*, *Uncle Tom*, *Uncle Thomas*, *Dr. Thomas*, *Aunt Thomasina*, *Aunt Jane*, *Sam*, *Sambo*. Наиболее откровенно это видно в таких фразеологических единицах, как *European Negro*, *sell-out Negro*, *wannabe*, *white fever*, *pink chaser*, *ofay watchers*.

Результаты анализа лексического пласта с антропонимическими репрезентантами в словаре афроамериканцев представлены в работе В.В. Жапова «Лексико-семантический состав и особенности функционирования *Black English* на современном этапе» [3].

Другой чертой *Black English* является создание новых слов, подчеркивающих отличительные признаки и уникальные черты характеров отдельных индивидуумов. Такое явление в лингвистике называют антономазией, состоящей в применении собственного имени для обозначения лица, наделенного свойствами первоначального носителя этого имени. Апеллятивация же происходит в том случае, если собственное имя употребляется в качестве нарицательного без изменения его формы [1, с. 51, 175].

Например, слово *Oprah* из личного имени популярной телеведущей США О. Уинфри (*Oprah Winfrey*) превратилось в отдельную лексическую единицу со значением «обладание искусством заставлять людей раскрывать их интимные тайны и личные факты из жизни». Эта лексическая единица стала настолько популярной, что подверглась процессу словообразования. Появилось новое слово *oprahfication* в значении «публичная исповедь»: *The Oprahfication of Obama*.

Некоторые слова и выражения могут просто отражать какое-либо действие или событие, за которое тот или иной человек вошел в афроамериканскую историю. К примеру, лексическая единица *Jim Jones* стала употребляться в афроамериканском английском в значениях «отравить кого-нибудь» и «сигарета с кокаином и марихуаной» после того, как основатель религиозной организации Джим Джоунс (*Jim Jones*) склонил своих последователей совершить массовое самоубийство в 1978 г.

Специфика антропонимов в плане их лингвистического статуса особенно интересуют исследователей, потому что они представляют собой

опорные точки в межкультурной коммуникации. Легко преодолевая национальные границы, они закрепляются в других языках, тем самым являясь связывающим звеном в межкультурном и межкультурном пространстве.

Библиографический список

1. Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Болдырев Н.Н., Куликов В.Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2006. Т. 65 (3). С. 3–13.
3. Жапов В.В. Лексико-семантический состав и особенности функционирования Black English на современном этапе: Дис. ... канд. фил. наук. М., 2002.
4. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: Дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2008.
5. Baugh J. Beyond Ebonics: Linguistic Pride and Racial Prejudice. NY, 2000.
6. Dillard J.L. Black English: Its History and Usage in the United States. NY, 1972.
7. Green L. Aspect and Predicate Phrases in African-American Vernacular English // African-American English: Structure, History, and Use / Ed. S.S. Mufwene, J.R. Rickford, G. Bailey, J. Baugh. L., 1998.

М.Ю. Семина, Н.А. Трофимова

Способы перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский в текстах экономической тематики

Автор рассматривает два основных вида безэквивалентных терминов, встречающихся в текстах финансовой отчетности на английском языке. Особое внимание уделяется основным приемам перевода, используемым для грамотной передачи безэквивалентной терминологии с английского языка на русский.

Ключевые слова: безэквивалентная терминология, текст экономической тематики, приемы перевода.

Перевод текстов экономической тематики является сегодня, в эпоху глобализации мировой экономики, неотъемлемой частью любого между-

народного делового сотрудничества. Грамотный перевод экономических текстов играет огромную роль и очень высоко ценится в деловой среде. Наличие даже незначительной ошибки или опечатки может привести к непоправимым последствиям, поэтому перевод таких текстов требует высокой точности, аккуратности и знания многочисленных нюансов.

Примерно 9,4% терминов финансовой и бухгалтерской отчетности на английском языке считаются безэквивалентными и требуют тщательного анализа при переводе на русский язык [3]. Отсутствие в языке перевода терминов-эквивалентов указывает на временное отставание в развитии определенной системы понятий данного языка [4].

Существует две группы безэквивалентных английских экономических терминов.

1. Термины, которые обозначают явления, временно отсутствующие в системе экономических понятий русского языка, например: *valuation allowance* (стоимостная поправка, оценочная корректировка), *custodian* (финансовый институт или банк, управляющий чужими капиталами), *temporary difference* (временные разницы).

2. Термины, обозначающие явления, недавно проникнувшие в российскую экономическую действительность. В этом случае причиной безэквивалентности может стать то, что такие термины еще не сформировали определенную категорию в понятийно-терминологической системе языка перевода. Примеры: *parent holding* (акции, находящиеся в собственности материнской компании), *mortgage backed liability* (обязательства, обеспеченные залогом недвижимости / с ипотечным покрытием), *dilutive securities* («разводняющие» капитал ценные бумаги), *termination income benefit* (денежное пособие, которое выплачивается по истечении срока действия договора), *group voting* (голосующие акции компаний).

Следует обратить внимание на то, что у терминов второй группы иногда может существовать некий длинный эквивалент, который представляет собой сочетание лексических единиц. Такой эквивалент не соответствует требованиям, предъявляемым к терминам, т.к. не обозначает видového понятия в системе языка перевода, хотя и передает значение определенного термина английского языка [1].

Рассмотрим приемы перевода безэквивалентных терминов. Самыми распространенными из них являются транслитерация/транскрипция, калькирование, описательный перевод.

Транслитерирование и транскрипция – это так называемые квазибеспереводные методы передачи терминов. При их использовании акт перевода заменяется актом заимствования звуковой (при транскрипции) или графической (при транслитерации) формы слова вместе со значением из

исходного языка в переводящий. Для экономической отрасли данный способ перевода на русский язык английских терминов невозможно переоценить. Количество терминов современной экономической терминологии английского языка, передающихся на русский язык квазибеспереводным методом, составляет немалую часть всего переводимого объема экономической лексики. К их числу можно отнести следующие термины: *form* – форма, *formation* – формация, *function* – функция, *concept* – концепт, *license* – лицензия, *administration* – администрация и т.д. У термина *outsourcing*, который в экономике означает привлечение услуг сторонних организаций, заключение субдоговора на выполнение работ с внешними фирмами, не существует пока русского эквивалента, т.к. данное явление не очень широко распространено в России. Использование приема описательного перевода здесь не представляется возможным, т.к. конструкция получится чересчур громоздкой. Поэтому правильно будет воспользоваться приемом транскрипции: аутсорсинг.

В большинстве случаев при переводе безэквивалентных терминов используется калькирование. «Беспереводность» калькирования проявляется в сохранении неизменной внутренней формы слова. Калькирование предполагает существование двусторонних межъязыковых соответствий между лексическими единицами, которые и используются в качестве «строительного материала» для воссоздания внутренней формы заимствованного или переводимого термина. Применительно к экономической терминологии мы можем считать калькирование неотъемлемым способом передачи специализированной лексики. По сравнению с квазибеспереводными методами транскрипции и транслитерации, данный вид трансформаций наиболее востребован при переводе терминов.

К примеру, термин *benchmark* означает исходные данные, на которые руководство компании обращает пристальное внимание при формировании какой-либо стратегии (финансовой, производственной, маркетинговой). Термином *benchmarking* обычно выражается процесс выявления главных стратегических показателей и определения целевых значений этих показателей на основе стратегических задач. Данное понятие уже закрепилось в экономической терминосистеме русского языка. С помощью калькирования также можно перевести следующие термины: *discontinuity* – прекращение деятельности, *provision* – резерв, *temporary difference* – временные разницы, *unremitted earnings* – нерепатриированные (неоплаченные) доходы, *identifiable assets* – идентифицируемые (осязаемые) активы и т.д.

Как показывают исследования, большая часть английской экономической терминологии имеет междисциплинарную направленность и весьма

неоднозначна. Помочь перевести при этом может, пожалуй, то языковое окружение, которое имеет вокруг себя тот или иной термин. В английском языке существуют составные безэквивалентные термины, которые возникают на основе одного ключевого термина и означают понятия, не присутствующие в русском языке: *diluted earnings per share* – разводненная прибыль на обыкновенную акцию; *basic earnings per share* – чистая прибыль в расчете на акцию; *basic net profit per share* – чистая базовая прибыль на одну акцию без учета разводнения; *diluted net profit per share* – разводненный (уменьшенный в результате дробления) доход на одну акцию; *dilutive securities* – разводняющие ценные бумаги.

Особую сложность в терминологии такого плана представляет перевод таких компонентов, как *basic*, *diluted*, *dilutive*, т.к. в русском языке не существует понятия «разводняющие ценные бумаги» и, следовательно, понятия для обозначения прибыли до и в результате разводнения дохода. Такие термины, как правило, переводятся с помощью калькирования. Полученный перевод-калька может когда-нибудь закрепиться в терминологии русского языка, но в данный момент к нему необходимо добавлять переводческий комментарий. Таким образом, калькирование есть именно тот метод перевода иноязычной лексики, без которого не обойтись в работе со сложными терминами. Сравните, например, следующие терминосочетания: *capital amount* – основная сумма долга, *capital assets* – оборотные средства, *capital decay* – полный упадок и т.д.

Калькирование нежелательно применять при переводе антонимичных терминов, таких как *publicly traded company*, что означает компанию, акции которой свободно обращаются на открытом рынке ценных бумаг, или *listed company* – компания, акции которой зарегистрированы на фондовой бирже. В данном случае при использовании калькирования была бы образована лексико-грамматическая структура, не отвечающая нормам языка перевода (*publicly traded company* при переводе получила бы некорректное значение «свободно продаваемая компания»).

Довольно часто для адекватного перевода безэквивалентных терминов используется прием описательного перевода (экспликация). Существенным недостатком данного приема перевода является его громоздкость, которая значительно усложняет текст [1]. Описательные эквиваленты относятся к некалькирующим способам передачи терминов и принципиально отличаются от кальки тем, что при экспликации инвариантом перевода является именно значение иноязычной единицы безотносительно к характеру его связей с внешней структурой слова, в то время как при калькировании инвариантом перевода является форма единицы исходного языка (правда, не звуковая или графическая, как при тран-

скрибировании или транслитерации, а лексическая или лексико-морфологическая).

Иными словами, описательный перевод или экспликация состоит в передаче предметно-логического значения английского слова при помощи более или менее распространенного объяснения. Этот способ можно применять как для объяснения значения в словаре, так и при переводе терминов и их сочетаний в конкретном экономическом тексте. Рассмотрим примеры использования данного приема перевода: *predatory competition* – конкуренция, направленная на устранение конкурентов; *loan ratio* – отношение основной суммы кредита к заемной стоимости собственности; *listed company* – компания, акции которой котируются на бирже; *stock option plan* – программа льготного приобретения персоналом акций компании, система фондовых опционов; *holding gain* – доход от увеличения стоимости активов; *purchase commitments* – обязательства по оплате размещенных заказов, финансовые обязательства по заключенным и еще не выполненным договорам о поставках.

Описательный перевод позволяет довольно точно выразить значение того или иного термина, но усложняет синтаксическую структуру предложений в тексте языка перевода.

В соответствии с проведенным анализом можно сказать, что основными приемами, используемыми при переводе экономической безэквивалентной терминологии с английского языка на русский, являются калькирование и описательный перевод, реже используется прием транскрипции или транслитерации. Для большей точности перевода в большинстве случаев необходимо делать пояснительные сноски и комментарии в конце страницы.

Библиографический список

1. Аكوпова Э.Л. Безэквивалентные термины и способы их перевода. М., 2000.
2. Лебедева А.А. Проблема эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц при переводе юридических терминов // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2013. № 3. С. 74–79.
3. Нелюбин Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика. М., 1983.
4. Степанян Л.Л. Введение в практику перевода специальной литературы. М., 2003.

Л.П. Варенина

Методика расширения словарного запаса с опорой на семантику согласных

Статья посвящена значению отдельных согласных и некоторых сочетаний согласных, несущих смысловую нагрузку, в английском языке. Автор предлагает способ запоминания английских слов с опорой на согласные.

Ключевые слова: значения согласных, значения фонем, сочетание согласных, семантика согласных, запоминание слов с опорой на семантику согласных.

Любой современный язык представляет собой сложную иерархическую систему знаков и способов их соединения. Язык, как любой живой организм, постоянно развивается и совершенствуется. Человечество всегда интересовал вопрос возникновения такого количества и разнообразия языков. Одни ученые являются приверженцами концепция моногенеза, утверждая, что все языки произошли от одного праязыка и имеют общие корни, другие придерживаются концепция полигенеза и полагают, что изначально было несколько независимых очагов возникновения языков. Так это или иначе, пока ни то, ни другое недоказуемо.

Со времен Сократа и до наших дней лингвистические школы ведут спор о референтности фонем соответствующим значениям. Ученые (и не только они) задавались вопросами «Почему именно это слово обозначает этот предмет?» или «Почему эта буква соответствует такому-то звуку?»

Известно, что Ветхий Завет был написан на арамейском и древнееврейском языках, в письменности которых присутствовали только согласные буквы. Со временем переводы этих книг были искажены. В зависимости от того, какую гласную букву вставлял тот или иной переводчик, менялось значение слов, что приводило к другой трактовке религиозного

текста и, следовательно, возникали новые течения в религии. Но, тем не менее, общий смысл сохранялся. Это говорит о том, что в любом языке смысловая нагрузка ложится на согласные.

Сравните примеры в русском и английском языках. Одна и та же фраза будет узнаваема, несмотря на то, что мы уберем все гласные буквы:

Pls, gv m th pn.

Пжлст, дт мн рчк.

На первый взгляд, представленные выше строчки нечитаемы. Но если мы произнесем записанные звуки вслух, то сможем понять написанное. Следовательно, смысловую основу языка составляют согласные буквы.

Следует признать, что отдельные гласные имеют значение, сходное во многих языках, например: *O! Oh!* – удивление; *У-у-у...* – разочарование; *A-a-a!* – крик опасности; *Э! Э! Э!* – предупреждение.

Шипящие и свистящие звуки в начале слова, сопровождаемые краткой гласной, выражают злость. Сравните: *Shit! Чепм!*

Бум в исследованиях значения согласных пришелся на конец XX в. Интересные наблюдения были сделаны В. Шевар де Нидзе в его книге «EngЛИШЬ для тех, кто хочет говорить по-английски без русского акцента». Автор приводит примеры того, как можно понять незнакомые слова, основываясь на значении сочетания некоторых согласных. Например, если в конце слова находится согласный звук [ʃ], то скорее всего значение этого слова как-то связано с «быстрым или сильным движением», порывом: *crash* [kræʃ] – падать, разбиваться; *rush* [rʌʃ] – устремляться; *push* [pʊʃ] – толкать. Слова, начинающиеся на звук [sn], как правило, имеют «неприятные» значения: *snap* – хватать; *snake* – змея; *sneeze* – чихать; *snudge* – подхалим.

Сочетание букв *sl-* в начале слова, чаще всего, означает какой-то склон или движение вниз: *slack* – слабонатянутый; *slalom* – слалом, *slant* – скос; *slice* – рассекать; *slide* – ледяная горка; *slope* – уклон; *slow* – медленный; *slot* – щель; *slouch* – наклоненный; *slump* – резкое падение.

Помимо вышеназванного значения сочетания *sl-* В. Шевар де Нидзе выделяет еще одно значение, негативное, и приводит следующие примеры: *slam* – со стуком захлопывать; *slander* – клевета; *slang* – жаргон; *slap* – пощечина; *sleazy* – неряшливый; *slime* – муть, ил; *slink* – заморыш; *slob* – слякоть; *slop* – помой; *slut* – неряха.

Слова, которые начинаются на *sw-*, передают движение или состояние, чаще всего охватывающее некое широкое пространство: *swagger* – расхаживать с важным видом; *swallow* – глотать; *swamp* – затоплять; *swarm* – толпиться; *swathe* – просека; *sway* – качаться; *sweep* – подметать; *swill* – полоскать.

Звук [ʒ:], передаваемый на письме сочетаниями букв *-url*, *-irl*, *-earl*, вызывает ассоциацию с чем-то круглым: *curl* – локон; *furl* – сверток; *pearl* – жемчуг; *swirl* – водоворот, кружение; *twirl* – вращение; *whirl* – вертеть, вращать.

Слова, начинающиеся с *gl-*, за редким исключением, означают что-то яркое, блестящее или светлое: *glimpse* – проблеск; *glisten* – сверкать; *glitter* – блестеть; *glass* – стекло.

Особый интерес представляют научные исследования Маргарет Магнус, которые воплотились в докторскую диссертацию «What is in a Word» (2000), защищенную в Норвежском университете [2]. Эта фундаментальная работа доказывает, что в каждом языке слово, содержащее ту или иную фонему, обладает неким специфическим значением, которого не будет в словах, не имеющих данной фонемы. В этом смысле автор утверждает, что каждая фонема является семантически значимой. Фонемы группируются в кластеры, которые в свою очередь формируют классы и суперклассы.

Рассмотрим значение некоторых фонем и их влияние на семантику слов.

B – это *being* (бытие); *beginning* (начало); *birth* (рождение); *building* (построение); *base* (основа) – во всех словах прослеживается корреляция значений, несмотря на то, что на первый взгляд они совершенно разные.

P несет значение места, уточняющего обстоятельства. Это *Place* (место), *Point* (точка), *Position* (положение).

Если сравнить семантику *B* и *P*, можно заметить, что лексические единицы, имеющие в наличии *B*, имеют значение порождения, взрыва (*boom*, *bang*, *break*), тогда как слова, в составе которых находится *P*, привязывают (прикалывают) к месту (*pierce*, *prick*, *pin*, *puncture*). Эти звуки являются антиподами (глухой – звонкий) и мы видим, что коннотации их также противоположны.

T – это направление движения. Это *tendency*, *to*, *toward*, *tele-*, *trans-*. *T* подразумевает «откуда?» и «куда?», т.е. указывает путь. *T* – это *travelling* (путешествие), *trip* (поездка), *track* (путь), *turn* (поворот). *T teaches* (учит) и *trains* (тренирует).

Понимание общего значения фонем и их сочетаний помогает включить ассоциативную память и способствует запоминанию слов. Подобный эксперимент был проведен на кафедре иностранных языков МЭСИ под руководством доцента кафедры Ю.С. Чеботарева. Студентам было предложено поработать со словарем и запомнить слова на определенные сочетания фонем. Известно, что слова, выученные без ситуативного контекста, недолго удерживаются в памяти. Эксперимент показал удивительные результаты: студенты помнили словарную лексику в течение двух лет (далее их просто не проверяли).

Выводы, которые были сделаны в процессе эксперимента, заключаются в том, что дети, изучая родной язык, как бы «нанизывают» все новые и новые понятия на уже знакомые сочетания звуков, что дает им возможность интуитивно понимать незнакомые слова. Эта естественная модель изучения родного языка может успешно применяться для изучения любого иностранного языка.

Библиографический список

1. Шевар де Нидзе В. Енглишь для тех, кто хочет говорить по-английски без русского акцента // Abroad.ru. Обучение за рубежом. URL: <http://www.abroad.ru/library/funticks/> (дата обращения: 23.04.2013).
2. Magnus M. The Meanings of the Consonants // Visible mantra: Buddhism Mantras You Can See. URL: <http://www.visiblemantra.org/phonosemantics.html> (дата обращения: 23.04.2013).

Ю.В. Наволочная, О.А. Чекун

Развитие иноязычного письменного дискурса студентов-бакалавров посредством социальных сервисов

Автор анализирует понятие «дискурс», рассматривает историю данного понятия. В статье также обосновывается целесообразность и эффективность применения социальных сервисов как одного из средств развития иноязычного письменного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, социальные сервисы, синергетический подход, аттрактор, субъектный дискурс, бессубъектный дискурс.

В отечественной системе подготовки студентов-бакалавров языковых факультетов, как и во всей системе высшего образования, произошел переход на компетентностную модель, которая в первую очередь направлена на формирование профессионально значимых компетенций обучаемых, одной из которых, согласно ФГОС, является способность логически вести устную и письменную речь. В этой связи развитие ино-

язычного письменного дискурса студентов-бакалавров приобретает особое значение.

Следует отметить, что традиционно выделяют устный и письменный типы дискурса. Это разграничение связано с каналом передачи информации: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный [3].

Что касается понятия «дискурс», то исторически первым собственно лингвистическим употреблением этого термина было его использование в названии статьи «Дискурс-анализ» американского лингвиста З. Харриса, опубликованной в 1952 г. Однако в полной мере этот термин был востребован в лингвистике примерно через два десятилетия [Там же].

Французские структуралисты использовали этот термин для анализа социальной обусловленности речевых высказываний. Предложенное ими употребление термина «дискурс» в последние годы вышло за рамки науки и стало популярным в публицистике. Прежде всего, оно восходит к М. Фуко, хотя в обосновании этого употребления важную роль сыграли также А. Греймас, Ж. Деррида, Ю. Кристева; позднее данное понимание было отчасти модифицировано М. Пешё. Термин «дискурс», в их понимании, описывает способ говорения и обязательно имеет определение – какой или чей дискурс [Там же].

Третье употребление термина «дискурс» связано, прежде всего, с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. Оно может считаться видовым по отношению к предыдущему пониманию, но имеет значительную специфику. В этом третьем понимании «дискурсом» называется особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации [Там же].

Особый интерес для нашего исследования представляют идеи Тена ван Дейка о том, что в дискурсе (на макросоциальном уровне) воспроизводится идеология и культура (макросоциальные феномены) как коллективные репрезентации. В широком смысле дискурс представляется комплексным коммуникативным событием, которое происходит между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном и пространственном контексте [1]. В узком смысле ученый понимает дискурс как текст или разговор. Исследователь убежден, что для адекватного лингвистического анализа дискурса и текста необходимы знания из области когнитивной психологии и социологии. Практически все интересные проблемы дискурса нуждаются в «триангуляции», т.е. вовлечении перспектив соседних наук [Там же].

В нашей стране, как отмечает Ю.С. Степанов, термин «дискурс» употреблялся первоначально в значении, близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка) [7]. Причину этого ученый видит в особенностях национальных школ.

О.Г. Ревзина, опираясь на исследования М. Фуко и теории интертекстуальности, предлагает выделять субъектный и бессубъектный виды дискурса [6, с. 25]. Под субъектным дискурсом понимается способ говорения, присущий каждому конкретному человеку, т.е. как речь отдельного человека. Дискурс бессубъектного типа, как отмечает исследователь, анонимен, нелинеен, воспроизводим [Там же, с. 26].

Рассматривая дискурс с позиций социолингвистики, В.И. Карасик выделяет два основных типа:

- персональный дискурс, когда говорящий выступает как личность (личностно-ориентированный);
- институциональный, когда говорящий выступает как представитель определенного социального института [2].

По мнению В.И. Карасика, персональный дискурс существует в двух основных разновидностях:

- бытовое общение, т.е. общение между хорошо знакомыми людьми, данное общение сводится к поддержанию контакта и решению бытовых проблем;
- бытийное общение или бытийный дискурс, который раскрывает внутренний мир; данное общение монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами [Там же].

Обобщая сказанное выше, следует сделать вывод, что дискурс, в целом, и письменный дискурс, в частности, многоаспектен, т.к. носит визуальный, субъективный, персональный и институциональный характер, отражает культуру и идеологию, раскрывает внутренний мир.

Учитывая данные аспекты при развитии иноязычного письменного дискурса, следует также отметить, что дискурс является живой, развивающейся системой, в которой происходит как организованное, так и спонтанное рождение новых значений и смыслов, его можно назвать самоорганизующейся системой, если рассматривать с точки зрения синергетического подхода [4].

Для эффективного развития иноязычного письменного дискурса студентов-бакалавров необходим поиск мотивирующих и активизирующих средств. Одним из средств-аттракторов выступают компьютерные и интернет-технологии и, в частности, социальные сервисы. Существование и привлекательность социальных сервисов или социальных сетей

обоснованы самим развитием общества. Эффективность их использования объясняется тем, что сегодня информационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Стиль мышления, в частности, студентов изменился. Современная молодежь принадлежит к поколению, которое не представляет жизни без мобильных телефонов, компьютеров и Интернета [8, с. 5].

Современные студенты, как отмечает С.Б. Переслегин, не готовы тратить много времени на обучение, они спешат работать [5]. Поэтому перед современным университетом и педагогом стоит вопрос, как их обучать. Одним из выходов является использование социальных сервисов. Студенты проводят огромное количество времени онлайн, особенно в социальных сетях, что открывает большие возможности для обучения.

Первоначально социальные сети были созданы как инструмент общения, постепенно спектр их функции увеличился. Мы наблюдаем экстраполяцию влияния социальных сетей на многие сферы жизни общества. Это дает нам право выделить следующие функции социальных сетей:

- 1) коммуникативная;
- 2) образовательная (в социальных сетях можно найти большое количество материалов по различным тематикам, также многие преподаватели создают группы для обучения, что делает социальные сети средством обучения и самообразования);
- 3) воспитательная (тесно связана с образовательной функцией);
- 4) мировоззренческая (современная молодежь проводит в социальных сетях довольно большое количество времени, что позволяет формировать взгляды и ценности, а также мировоззрение молодых людей, так, социальные сети в настоящее время наряду с наукой, культурой и религией формируют мировоззрение молодежи).

Все это в очередной раз доказывает, что социальные сети обладают большим лингводидактическим образовательным потенциалом, который необходимо использовать для развития иноязычного письменного дискурса студентов. Использование образовательных возможностей социальных сетей в обучении иностранному языку позволяет преподавателю переводить частично обучение в режим «онлайн».

Библиографический список

1. Ван Дейк Т.А. К определению дискурса // PSyberLink. Психологическая сеть российского Интернета. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 24.05.2013).
2. Карасик В.И. О типах дискурса // Rudocs.exdat. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-267604.html> (дата обращения: 24.05.2013).

3. Кибрик А., Паршин П. Дискурс // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html?page=0,0 (дата обращения: 24.05.2013).
4. Левина О. Что такое синергетика // Школа-мастерская личного развития. URL: <http://www.isra-trainings.com/articles/holo/synergy.html> (дата обращения: 24.05.2013).
5. Переслегин С.Б. Открытая лекция «От университета к знаниевому реактору» // Имперский Генеральный штаб. Официальный сайт С.Б. Переслегина. URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_fromUniv.htm (дата обращения: 24.05.2013).
6. Ревзина О.Г. Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25–33.
7. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт причинности // Abuss. Философия истории. URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov.htm> (дата обращения: 24.05.2013).
8. Чекун О.А. Дидактический потенциал информационных и коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам в высшей школе // Инновационные подходы в обучении иностранным языкам: Сб. научных статей по итогам ежегодного научного семинара 20 ноября 2012 г. Вып. I. / Под ред. Мастюковой И.Е., Чекун О.А. М., 2012. С. 4–9.

Г.В. Сороковых

Проектирование креативной иноязычной образовательной среды вуза как научная проблема

В данной статье представлена авторская концепция понимания креативной образовательной среды образовательного комплекса, ее особенности на современном этапе развития образования. В статье раскрывается суть развития креативной образовательной среды в формировании личности обучающегося. Особый акцент делается на разработку образовательных целей как важного отправного момента всякого проектирования, в том числе и проектирования креативной образовательной среды

Ключевые слова: креативная образовательная среда, индивидуализация обучения, специфика мегаполиса, интерактивные технологии, саморазвитие личности.

В XXI в., когда человечество переходит в информационную стадию своего развития, образование должно стать важнейшей частью жизни каждого человека, обеспечивающей ему возможность ориентироваться в океане информации, адаптироваться к непрерывным инновациям, быть профессионально-мобильным, конкурентоспособным. На сегодняшний день к иноязычному образованию предъявляется следующее требование – стать гуманистически ориентированным, рассматривать человека как основную ценность, быть направленным на развитие личности, его кросс-культурной грамотности. При таком подходе любые формы, методы и технологии обучения иностранным языкам являются не самоцелью, а рассматриваются в контексте одной из основных задач образования – обеспечить максимально благоприятные условия для саморазвития личности.

Одним из основных условий развития личности является создание креативной образовательной среды обучения и воспитания. Однако данное понятие неодинаково трактуется в различных источниках: под образовательной средой чаще всего понимается функционирование конкретного учреждения образования.

В нашем понимании креативная образовательная среда – система взаимосвязанных и обусловленных факторов, механизмов, технологий, разнообразных типов взаимоотношения между субъектами иноязычного образования с учетом специфики многих факторов мегаполиса. Креативная образовательная среда Москвы представляет собой разнообразие поликультурного образования и мультикультурного состава его участников, среду для построения собственного «Я», обеспечивающую создание организационно-методических условий для актуализации внутреннего мира студента, его личностного роста, самореализации, становления его самосознания. Неоднозначность понимания креативной среды Москвы связано с политическими, социально-экономическими и культурными условиями, в котором сейчас наиболее активно осуществляется реформирование во многих сферах общественной жизни, в том числе и в системе образования. Не всегда легко проводить реформу в условиях многомиллионного мегаполиса: каждая национальная культура имеет свои особенности, которые проявляются по-разному; каждая национальная культура имеет собственную логику развития, свой пласт общечеловеческих, универсальных констант.

Таким образом, креативная образовательная среда мегаполиса является личностным пространством, индивидуальным для каждого обучающегося, гибко реагирующим на его запросы, стремления, потребности, опирающимся на его систему ценностей, мотивов и обладающим способностью к самоорганизации. Для реализации концепции развития творческой лич-

ности требуется существенная перестройка сложившейся педагогической системы, проведение целого ряда работ по разработке конкретных образовательных технологий, созданию принципиально новой методической базы образовательных комплексов, введению новых методов и организационных форм иноязычного образования.

Креативная образовательная среда предоставляет возможность каждому обучающемуся не только развить исходный творческий потенциал, но и побуждает потребность в дальнейшем самопознании, творческом саморазвитии, помогает становлению у человека объективной самооценки, развитию способности к саморефлексии. Поскольку в эпицентре проектируемой креативной образовательной среды представлен образ обучающегося в динамике его развития, то в качестве критериев ее функционирования целесообразно использовать качества личности обучающегося, формируемые в ходе саморазвития в данной среде. Таким образом, креативная образовательная среда представляет собой многомерную индивидуализированную самоорганизующуюся целостность, предназначенную для создания условий, благоприятствующих развитию творческих способностей обучающихся, а также обеспечивающую их самореализацию и личностный рост.

Наибольшей популярностью в последнее время пользуется понимание информационно-образовательной среды как определенным образом связанных между собой образовательных учреждений, которые находятся в условиях информационного обмена, организуемого специальными программными средствами (вуз – социальная среда города – личностное пространство обучающегося).

Виртуальная иноязычная образовательная среда способствует творческому постижению Себя-Нового, т.е. личности, находящейся в процессе образовательного становления, осваивающую как новые знания, так и новые степени свободы (разнообразные интернет-ресурсы).

Важнейшим преимуществом креативной образовательной среды, спроектированной на основе интерактивных технологий, является возможность максимально индивидуализировать образование на основе динамической модели обучающегося, что позволяет создавать для каждого обучающегося индивидуальные проблемные ситуации, исключающие или, по крайней мере, снижающие негативное влияние факторов, препятствующих активизации творческого мышления.

Важным фактором эффективного использования интерактивных технологий в иноязычном образовании является создание условий для целенаправленного, теоретически обоснованного развития коммуникативной культуры как неотъемлемой составляющей общей культуры личности,

отражающей степень подготовленности человека к самодетерминации, саморазвитию, самореализации в условиях современного информационного общества. Становление и развитие коммуникативной культуры личности в проектируемой образовательной среде вуза может быть обеспечено путем увеличения степени свободы и активности субъектов образования, что позволяет им сознательно и целенаправленно использовать интерактивные технологии.

Для управления учебной деятельностью при использовании интерактивных технологий рекомендовано использование тестового контроля и самоконтроля как одной из наиболее технологичных форм проведения автоматизированного контроля с управляемыми параметрами качества.

Для организации иноязычной образовательной среды с постоянным добавлением на каждом этапе повторения новой учебной информации необходимо наличие многоуровневой организации учебного материала, банка заданий, организованных в виде базы знаний учебного назначения, создания электронно-методического сопровождения обучения иностранным языкам.

Таким образом, проектирование креативной иноязычной образовательной среды вуза как научная проблема является многоаспектной и многозначной и требует специальных исследований.

Библиографический список

1. Кречетников К.Г. Проектирование креативной образовательной среды на основе информационных технологий в вузе: Монография. М., 2002.
2. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М., 2000. С. 5–35.
3. Alexander P.A., Murphy P.K., Kulikowich J.M. What responses to Domain-Specific Analogy Problems Reveal About Emerging Competence: A New Perspective on an Old Acquaintance // Educational Psychology. 1998. Vol. 90. № 3. P. 397–406.
4. Fromm E. The creative attitude. NY, 1959.
5. Florida R. The Rise of the Creative Class. North Melbourne, 2003.
6. Zlotin B., Zusman A. TRIZ and Pedagogy. NY, 2002. P. 9.

П.В. Сысоев

Основные направления информатизации языкового образования

Статья посвящена вопросу определения основных направлений информатизации языкового образования. В ней автор, во-первых, обозначает предпосылки информатизации образования, во-вторых, выделяет основные направления информатизации языкового образования, в-третьих, рассматривает перспективы развития данных направлений.

Ключевые слова: информатизация образования, информационные и коммуникационные технологии, языковое образование.

Современный этап развития российской системы образования характеризуется ее динамичной информатизацией. Переход на новую парадигму образования от «обучения на всю жизнь» к «обучению на протяжении всей жизни», развитие умений самостоятельной учебно-познавательной деятельности и самообразования, а также внедрение компетентностной модели образования, ориентированной на практическое использование знаний, умений и навыков, заставили по-иному посмотреть на педагогический процесс как на процесс овладения студентами стратегиями активного получения и переработки информации с целью ее дальнейшего практического применения. Информатизация включает весь спектр мер от компьютеризации школ и разработки программного обеспечения до формирования информационной культуры обучающихся. В этой связи информатизация образования в широком понимании этого термина трактуется как «целенаправленно организованный процесс обеспечения сферы образования методологией, технологией и практикой создания и оптимального использования научно-педагогических, учебно-методических разработок, ориентированных на реализацию возможностей средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), применяемых в комфортных и здоровьесберегающих условиях» [4, с. 105].

Институтом информатизации образования РАО под руководством проф. И.В. Роберт в рамках Комплексной программы РАО «Информационные и коммуникационные технологии в общем, профессиональном и дополнительном образовании» были обозначены основные направления информатизации образования в отечественной школе, включающие широкую палитру аспектов информатизации, а также были разработаны теоретические основы и научно-методическое обеспечение нового научного

направления педагогической науки «теория и методика информатизации образования»[4; 5]. Эти направления определили стратегию информатизации системы общего среднего, специального и высшего профессионального образования в России.

Языковое образование является неотъемлемой частью общего среднего, среднего специального и высшего профессионального образования в России. В этой связи информатизация языкового образования в целом осуществляется по тем же направлениям, что и другие отрасли знаний. Вместе с тем, иностранный язык как учебная дисциплина имеет свою специфику, отличающую ее от других дисциплин гуманитарного цикла. Поэтому для методических целей необходимо отдельно выделить и рассмотреть основные направления информатизации применительно к языковому образованию, акцентировав особенности иностранного языка как предмета. В методике обучения иностранному языку под информатизацией языкового образования понимается комплекс мер по обеспечению всего процесса обучения и овладения иностранным языком и культурой страны изучаемого языка, методологией, технологиями разработки новых учебных и учебно-методических материалов, методиками использования новых информационных и коммуникационных технологий в обучении, подготовкой и переподготовкой педагогических кадров, способных широко использовать потенциал информационных технологий на практике в здоровьесберегающих условиях. Данное определение позволяет выделить следующие восемь основных направлений информатизации языкового образования.

1. Определение методологической базы отбора содержания обучения, разработки методов и форм обучения иностранному языку и культуре в условиях информатизации языкового образования.

Под методологией понимается совокупность познавательных средств, подходов, методов, приемов, используемых в методике обучения иностранным языкам. Доминирующими подходами к обучению языку и культуре в условиях информатизации образования будут компетентностный, личностно-деятельностный, коммуникативно-когнитивный, социокультурный и поликультурный подходы. Компетентностный и личностно-деятельностный являются общенаучными подходами, характеризующими реализацию конкретной модели образования, включая преподавание ряда дисциплин. Коммуникативно-когнитивный, социокультурный и поликультурный подходы выступают частными подходами, отражающими специфику обучения непосредственно иностранному языку и культуре страны изучаемого языка.

В частности, познавательный (когнитивный) подход, заключающийся в овладении иностранным языком и культурой страны изучаемого языка в результате сознательного усвоения практически необходимых знаний для использования языка и развитие на их основе речевых умений, получил развитие и свою интерпретацию в рамках коммуникативно-когнитивного подхода, предложенного А.В. Щепиловой [12]. С позиции данного подхода учебный процесс должен быть организован в русле деятельностного обучения и решать коммуникативные и познавательные задачи со значительной долей сопоставительных приемов овладения языком, с большой долей самостоятельности обучающихся в выборе средств и стратегий обучения. Коммуникативно-когнитивный подход, предполагающий совершенствование познавательных способностей обучающихся, эффективно реализует развивающий потенциал многоязычного общения, способствуя формированию у учащихся металингвистического сознания – способности учащихся размышлять о форме, функции и природе языка на разных его уровнях [Там же, с. 14].

Социокультурный подход к обучению иностранным языкам, предложенный В.В. Сафоновой [6], направлен на развитие самосознания обучаемого как культурно-исторического субъекта, носителя коллективных и индивидуальных социокультурных характеристик и его роли как субъекта культур, интегративных общекультурных и коммуникативных умений использовать иностранный язык как средство межкультурного общения. Согласно данному подходу, социокультурное образование обучающихся должно осуществляться по принципу расширяющегося круга культур (от этнических, суперэтнических культур, социальных субкультур к геополитическим маркированным регионально-континентальным культурам и мировой культуре) и в контексте их диалога. В качестве методической доминанты в данном подходе выступает система проблемных культуроведческих заданий, направленная на использование иностранного языка и социокультурной компетенции в ситуациях межкультурного общения [6, с. 63].

Социокультурный подход получил свое дальнейшее развитие в поликультурном подходе к обучению иностранному языку и культуре, предложенном П.В. Сысоевым [11]. Языковое поликультурное образование предполагает культурное разнообразие тематического наполнения учебно-методических комплексов по иностранным языкам и языковым курсам по каждому типу культуры (этническому, социальному, религиозному, профессиональному, территориальному и т.п.), тем самым создавая благоприятные условия для поликультурного развития обучающихся. С помощью этого у обучающихся будет формироваться представление о

культурном разнообразии как норме сосуществования культур в современных поликультурных сообществах стран родного и изучаемого языков. Соизучение культур современных поликультурных сообществ стран родного и изучаемого языков будет способствовать расширению социокультурного пространства и культурному самоопределению обучающихся (определению своего места в спектре культур), а также развитию способностей активно противодействовать культурной агрессии, культурному вандализму и культурной дискриминации.

Субъект-объектные отношения, при которых студент воспринимался в качестве пассивного реципиента знаний, сменились субъект-субъектными: студент стал активным участником образовательного процесса, способным использовать полученные знания на практике, осознавать ценность сформированных знаний и развитых умений, осознавать необходимость заниматься самообразованием на протяжении всей жизни и, тем самым, быть конкурентно-способным на современном постоянно меняющемся рынке труда. В этой связи компетентностный подход не изменяет общую личностно-деятельностную направленность образования, а, наоборот, усиливает ее, акцентируя внимание на практической составляющей деятельности обучающихся и на результатах обучения.

Следует заметить, что термин «компетентностный подход» в педагогике стал использоваться относительно недавно, однако в методике обучения иностранным языкам ориентация процесса обучения на результат – общение на языке с представителями разных стран и культур в терминах «коммуникативная компетенция» – на протяжении нескольких десятков лет выступает одной из основных целей обучения иностранному языку.

Таким образом, методологическая основа информатизации языкового образования не является абсолютно новой и доньше неизвестной в методике обучения иностранным языкам. Однако благодаря своим дидактическим свойствам новые информационные и коммуникационные технологии способствуют более полной реализации данных подходов на практике. Если при традиционной модели взаимодействия «преподаватель – студент» многое зависело от личности преподавателя, способного в большей или меньшей степени перейти на личностно-деятельностную модель обучения, то новые информационные технологии не оставляют преподавателям иного выбора, кроме как реализовывать методы активного обучения, создавать индивидуальные траектории обучения и активизировать самостоятельную учебную деятельность обучающихся.

Комплексная реализация всех вышеобозначенных подходов на практике при определении цели и результата, отборе содержания, методов

и форм обучения способствует обучению, воспитанию и развитию личности студента средствами иностранного языка и культуры страны иностранного языка в условиях информатизации образования.

2. Отбор содержания обучения иностранному языку и культуре в условиях информатизации языкового образования.

Современные учебные и неучебные (аутентичные) Интернет-ресурсы создают благоприятные условия для развития познавательной деятельности студентов. Использование современных ИКТ в учебном процессе позволит развить умения осуществлять поиск, отбор, оценку, классификацию, обобщение и презентацию новой информации. Безусловно, развитие умений познавательной деятельности в процессе обучения иностранному языку и культуре в вузе будет способствовать развитию умений самостоятельной учебной деятельности в области изучения иностранного языка на протяжении всей жизни.

Языковые базы данных (лингвистический корпус) и мультимедийные Интернет-ресурсы о культуре (культурах) страны изучаемого языка (тематические Интернет-сайты, сетевые энциклопедии, виртуальные туры по галереям и музеям) смогут значительно обогатить и расширить языковую и культурную практику студентов. Вся палитра современных Интернет-ресурсов создает дидактическую основу для языкового поликультурного образования: формирования представлений о культурном и языковом разнообразии стран родного и изучаемого языков [8]. Тематическое содержание учебных программ может выйти далеко за рамки существующих программ и УМК, студенты смогут ознакомиться с различными вариантами изучаемого языка, используемыми в социальных и культурных контекстах.

Социальные сервисы и службы Веб 1.0 (электронная почта, веб-форум) и Веб 2.0 (вики, блоги, подкасты) позволят организовать сетевое взаимодействие между всеми участниками образовательного процесса, в том числе на иностранном языке. Более того, социальные сервисы и службы Интернета могут служить платформами для реализации телекоммуникационных проектов, партнерами в которых могут быть студенты разных стран. При этом, наряду с формированием иноязычной коммуникативной компетенции, реально достигаемой целью языкового образования, будет идти формирование межкультурной компетенции обучающихся, их способности вступать в контакт с представителями других стран и культур, осознавая свою культурную принадлежность.

Таким образом, содержание обучения иностранному языку и культуре в условиях информатизации языкового образования должно быть ори-

ентировано, во-первых, на развитие мотивации студентов изучать иностранный язык и использовать его для получения необходимой информации и общения с представителями разных стран и культур посредством новых информационных и коммуникационных технологий; во-вторых, на формирование иноязычной коммуникативной компетенции в рецептивных (аудирование, чтение) и продуктивных (письмо, говорение) видов речевой деятельности; в-третьих, на формирование межкультурной компетенции; в-четвертых, на развитие познавательной деятельности обучающихся; в-пятых, на развитие умений самостоятельной учебной деятельности; в-шестых, на развитие рефлексивной деятельности обучающихся. Развитие всех вышеперечисленных аспектов происходит в комплексе, где каждый из аспектов представляет часть единого механизма обучения, воспитания и развития личности студента.

3. Выбор методов и форм обучения иностранному языку и культуре в условиях информатизации языкового образования.

Изменение методов обучения иностранному языку и культуре обусловлено переходом от субъект-объектной к субъект-субъектной модели обучения. При традиционной субъект-объектной модели учебного взаимодействия между обучающим и обучающимся широко используются информационно-рецептивный и репродуктивный методы обучения, в рамках которых обучающиеся воспринимаются в качестве пассивных реципиентов информации. Их главная задача сводится к получению от преподавателя готовой суммы знаний и ее заучивание. Переход на субъект-субъектную модель обучения подразумевает активное использование метода проблемного обучения, эвристического метода и исследовательского метода [7]. Данные методы позволяют в условиях информатизации образования широко использовать дистанционные формы обучения: получение обучающимся основного объема изучаемого материала, интерактивное взаимодействие обучающихся и преподавателей в процессе обучения, предоставление обучающимся возможности самостоятельной учебной деятельности по освоению изучаемого материала, а также в процессе обучения посредством информационных и коммуникационных технологий.

Реализация методов активного обучения в условиях информатизации образования позволит полностью использовать дидактический потенциал информационных и коммуникационных технологий в развитии умений самостоятельной учебной деятельности обучающихся. Под самостоятельной учебной деятельностью, как указывала Н.Ф. Коряковцева, следует понимать «вид познавательной деятельности, регулируемой и управ-

ляемой учащимся как субъектом данной деятельности и направленной на освоение предметных знаний и умений и культурно-исторического опыта» [3, с. 14]. Участие в самостоятельной продуктивной учебной деятельности означает, что обучающийся:

- включается в определение целей овладения иностранным языком и соотносит их со своими реальными интересами и потребностями;
- активно участвует в проектировании конечного результата продукта овладения иностранным языком и определении критериев его оценки;
- совместно с учителем и своими товарищами отбирает наиболее приемлемые и эффективные формы и приемы обучения;
- отслеживает процесс и успешность своего продвижения в овладении языком;
- оценивает реальные достижения и возможности использования иностранного языка в реальной деятельности;
- оценивает продуктивность и опыт своей учебной деятельности;
- оценивает себя, определяет «я-позицию» [Там же, с. 16].

На первом этапе организация самостоятельной учебной деятельности обучающихся может осуществляться согласно предложенному преподавателем алгоритму действий с четко выделенными этапами и обозначенными ролями каждого участника образовательного процесса. На более продвинутом этапе обучающиеся будут самостоятельно выстраивать индивидуальную траекторию выполнения проекта, решать поставленную учебную задачу. Это будет включать формулировку задач, решение которых приведет к достижению цели, формулировку гипотезы, определение методов решения задач, разработку алгоритма действия, выводы, оценку и рефлексию.

Необходимо заметить, что с позиции дидактики вышеобозначенные активные методы обучения соотносятся с коммуникативным методом обучения иностранному языку, ориентированным на формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся – уровня владения иностранным языком как средством общения.

4. Разработка инновационных методик использования информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку и культуре.

Безусловно, внедрение новых информационных и коммуникационных технологий в учебный процесс потребует разработки новых инновационных методик обучения иностранному языку и культуре страны изучаемого языка в условиях информатизации образования. При этом важно осознавать, что использование определенного ресурса или Интернет-тех-

нологии для развития конкретных видов речевой деятельности или формирования социокультурной и межкультурной компетенций должно быть обусловлено не общей тенденцией «обучения всему посредством ИКТ», а приемлемостью, эффективностью и эргономичностью использования данной Интернет-технологии для решения конкретной учебной задачи!

В качестве примера рассмотрим развитие умения написания письма личного характера. Для развития умений письменной речи обучающихся можно использовать как блог-технологии, так и вики-технологии. В блогах автором размещенного сообщения может выступать только один человек. Другие участники проекта могут ознакомиться с его письменным высказыванием и принять участие в сетевом обсуждении. Вики-технология существует для создания единого документа несколькими людьми. Ввиду того, что в реальной жизни автором письма личного характера является один человек, для развития данного умения письменной речи целесообразнее использовать блог-технологии. Использование же для решения данной учебной задачи вики-технологии было бы неаутентичным и некоммуникативным.

Несмотря на то, что ИКТ-технологии относительно недавно вошли в методику обучения иностранному языку, тем не менее, в научной и учебно-методической литературе уже сформировался внушительный корпус работ, в которых авторы разрабатывали методики обучения аспектам языка, видам речевой деятельности и культуре посредством определенной интернет-технологии и выявляли эффективность ее использования в учебном процессе. В частности, за последние годы были разработаны следующие методики:

- использование учебных интернет-ресурсов в обучении иностранному языку (М.Н. Евстигнеев, П.В. Сысоев);
- использование электронно-почтовой группы для формирования межкультурной компетенции обучающихся (В.Г. Апальков, Н.А. Сушкова);
- использование веб-форума и блог-технологии для развития умений письменной речи (М.Н. Евстигнеев, Т.А. Павельева, П.В. Сысоев, А.К. Черкасов) и формирования социокультурной компетенции (Е.Д. Кошеляева);
- использование вики-технологии для развития умений письменной речи обучающихся (М.Н. Евстигнеев, Ю.Ю. Маркова, П.В. Сысоев);
- использование подкастов для развития умений аудирования и говорения обучающихся (А.Г. Соломатина);
- использование лингвистического корпуса в формировании языковых навыков речи (П.В. Сысоев).

В соответствии с личностно-ориентированным подходом к обучению выбор конкретной технологии или методики обучения иностранному

языку и культуре должен осуществляться преподавателем с учетом интересов, потребностей, способностей, мотивацией конкретной группы обучающихся.

5. Разработка учебных материалов нового поколения, интегрирующих различные виды ИКТ в процесс обучения и овладения иностранным языком.

Дидактические возможности современных информационных и коммуникационных технологий позволяют изменить структуру подачи учебного материала. В настоящий момент наряду с традиционными книжными учебными изданиями обучающиеся могут использовать учебные Интернет-ресурсы, созданные преподавателем для учебных целей по изучаемой теме: хотлист, мультимедиа скрэпбук, трэжа хант, сабджект сэмпла, веб-квест. Такие ресурсы уже известны большинству преподавателей, достаточно просто создаются с использованием сетевого программного обеспечения *Filamentality*.

В перспективе на смену книжному учебнику по иностранному языку с линейной формой изложения материала придет электронный, мультимедийный, интерактивный учебник, имеющий гипертекстовую и интерактивную структуру. Наряду с текстовой информацией (хотя он может быть построен исключительно на внешних ресурсах), имеющей внутреннее и внешние ссылки на ресурсы сети Интернет, он будет содержать иллюстративный материал, аудио- и видеоподкасты, сможет предоставить доступ к «виртуальной реальности». Выход на внешние ресурсы сети Интернет по изучаемым темам позволит развивать познавательную деятельность обучающихся и значительно обогатит их языковую и культурную практику. Интерактивные контрольные материалы точно укажут ученику его проблемные зоны и отправят к соответствующим ресурсам. Многоуровневость учебника будущего позволит обучающимся выбирать индивидуальную траекторию обучения.

6. Разработка систем компьютерного контроля развития речевых умений и формирования языковых навыков речи обучающихся.

Разработка систем компьютерного контроля развития речевых умений и формирования языковых навыков речи обучающихся представляет еще одно инновационное направление информатизации языкового образования. На современном этапе существует программное обеспечение, позволяющее реализовывать коммуникативный контроль развития видов речевой деятельности, причем не только рецептивных (аудирования и чтения), но и продуктивных (письма).

Примерами широкого использования программного обеспечения подобного рода могут служить международные стандартизированные языковые экзамены, в частности, компьютерная версия TOEFL. Однако, несмотря на достаточно высокую надежность, некоторые из заданий компьютеризированных тестов вызывают вопросы у ученых-методистов. В частности, критериями оценки написания сочинения в компьютерной версии теста TOEFL выступают: строгое следование формату письменного высказывания (введение, основная часть, заключение) и использование слов-связок. Причем, самое главное – содержание работы и глубину мысли письменного высказывания – компьютер оценить не может. Тем не менее, это современный опыт использования компьютерных технологий в оценке развития речевых умений, который, безусловно, будет совершенствоваться и в скором будущем станет отвечать потребностям тестируемых и современным требованиям методики. Кроме того, в рамках данного направления свое развитие должны получить электронные варианты методик альтернативного тестирования (например, электронное портфолио).

7. Организация системы подготовки и переподготовки педагогических кадров в области информатизации языкового образования.

Подготовка и переподготовка педагогических кадров в условиях информатизации языкового образования является одним из наиболее актуальных направлений информатизации образования, ибо невозможность внедрения современных ИКТ в учебный процесс обучения иностранному языку и культуре обусловлена неспособностью или, точнее, некомпетентностью преподавателей в области использования современных ИКТ в образовательном процессе. В этой связи возникает острая необходимость в соответствующих курсах подготовки и переподготовки педагогических кадров. В настоящее время многие институты повышения квалификации работников образования в различных регионах страны предлагают подобные курсы, на которые в одну и ту же группу записывают преподавателей разных дисциплин. При этом необходимо помнить, что содержание обучения в рамках данной программы должно обязательно включать как инвариантный (актуальный для преподавателей независимо от профиля), так и вариативный компонент (акцентирующий особенности использования ИКТ непосредственно при обучении конкретной дисциплине).

Например, инвариантный компонент может содержать сведения о дидактических особенностях социальных сервисов и служб Веб 2.0. В

рамках же вариативного компонента программы преподаватели иностранного языка ознакомятся конкретно с теми речевыми умениями, которые можно развивать на основе каждого из сервисов Веб 2.0 (блогов, вики, подкастов), и рассмотрят методики формирования компонентов иноязычной коммуникативной компетенции посредством того или иного сервиса. Необходимо отметить, что российскими учеными проведена серьезная работа по подготовке программ повышения квалификации педагогических кадров в условиях информатизации образования. И.В. Роберт, С.В. Панюковой, А.А. Кузнецовым и А.Ю. Кравцовой [2] разработана инвариантная часть курса повышения квалификации, включающая общедидактические вопросы. Вариативная же часть курса (применительно к преподавателям иностранного языка) отражающая специфику обучения иностранному языку посредством новых ИКТ, представлена в работах П.В. Сысоева и М.Н. Евстигнеева [12; 13].

Вместе с тем, повышение квалификации не должно сводиться только к одному курсу. Существуют сетевые сообщества преподавателей-предметников из различных регионов России, где они могут ознакомиться с опытом других и поделиться собственным опытом использования той или иной интернет-технологии в обучении, принимать участие в интернет-конференциях, видеоконференциях, участвовать в дискуссиях на профессиональных форумах и т.п. В качестве одного из таких сообществ можно назвать Ассоциацию *e-LearningPro* специалистов, объединяющих профессионалов в области дистанционного обучения. Участвуя в обсуждении актуальных вопросов компьютерной педагогики, преподаватели будут постоянно повышать свою профессиональную компетентность и, тем самым, реализовывать на практике один из основных постулатов XXI в. – «обучение на протяжении всей жизни»!

8. Разработка мер обеспечения информационной безопасности обучающихся.

Наряду со всеми многочисленными преимуществами, которые дает образовательному процессу современная интернет-среда, она также может привести к негативным последствиям любого пользователя сети Интернет. Опыт реализации моделей дистанционного образования свидетельствует о разнообразии форм морального и материального ущерба, который может принести обучающимся взаимодействие в интернет-среде. Приведу лишь некоторые примеры, которые могут иметь отношение к учащимся и студентам:

- использование данных личного характера пользователей (паспортных данных, даты рождения, информации о банковских счетах, адреса

проживания, телефона и т.п.) для оформления интернет-мошенниками кредитов, осуществления покупок, онлайн-платежей, вымогательства;

- посещение сайтов, предназначенных для взрослой аудитории пользователей (18+), что может способствовать растлению малолетних;

- загрузка непроверенных программ и вирусов;

- сетевое общение с незнакомыми людьми, что может привести к нежелательным последствиям;

- чрезмерное использование развлекательных ресурсов сети Интернет (сетевые игры), что может привести к интернет-аддикции подростков.

В этой связи возникает острая необходимость подготовки обучающихся в сфере информационной безопасности непосредственно перед реализацией в процессе обучения интернет-проектов и организации сетевого обучения посредством социальных сервисов и служб Веб 2.0. От того, насколько в процессе обучения мы сможем научить обучающихся сетевому общению, настолько они будут готовы к реальному безопасному взаимодействию на родном и изучаемом языках в сети Интернет [14].

Поэтому современная интернет-среда, наряду с бесспорными преимуществами, несет в себе конкретные опасности, которые необходимо учитывать при разработке методик обучения иностранному языку на основе новых информационных и коммуникационных технологий.

Подводя определенный итог, хочется отметить, что все вышеобозначенные направления информатизации языкового образования находятся между собой в неразрывной связи. Информатизация образования, включая языковое образование, – это необратимый комплексный процесс, в котором каждому преподавателю предстоит найти свое место и определить долю своей ответственности за развитие умений образования и самообразования обучающихся в постоянно изменяющемся мире новых технологий и разработок.

Библиографический список

1. Евстигнеев М.Н. Компетентность учителя иностранного языка в области использования информационно-коммуникационных технологий // Иностранные языки в школе. 2011. № 9. С. 2–9.
2. Информационные и коммуникационные технологии в образовании: Учебно-методическое пособие / Роберт И.В., Панюкова С.В., Кузнецов А.А., Кравцова А.Ю. М., 2008.
3. Коряковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: Пособие для учителя. М., 2002.
4. Роберт И.В. Основные направления информатизации образования в отечественной школе // Вестник МГПУ. Сер. «Информатика и информатизация образования». 2005. № 5. С. 106–114.

5. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы, перспективы использования. М., 2010.
6. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций: Монография. Воронеж, 1996.
7. Скаткин М.Н., Лернер И.Я. Дидактика средней школы. М., 1975.
8. Сысоев П.В. Дидактические свойства и функции современных информационных и коммуникационных технологий // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 12–21.
9. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Компетенция учителя иностранного языка в области использования информационно-коммуникационных технологий: определение понятий и компонентный состав // Иностранные языки в школе. 2011. № 6. С. 16–20.
10. Сысоев П.В. Информационная безопасность учащихся при работе в образовательной Интернет-среде: современный ответ на вызовы времени // Иностранные языки в школе. 2011. № 10. С. 16–20.
11. Сысоев П.В. Языковое поликультурное образование: теория и практика: Монография. М., 2008.
12. Щепилова А.В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению французскому языку как второму иностранному. Теоретические основы: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003.

Т.Е. Яцуга

Подготовка педагогических кадров для обучения русскому языку как неродному: опыт решения проблемы в Кемеровской области¹

Статья посвящена проблеме профессиональной подготовки учителя, ориентированного на работу с детьми мигрантов. Предложенный вариант программы курсов для студентов-филологов ««Русский как неродной: лингвокультурологическая подготовка мигрантов и их детей в условиях современной образовательной практики» учитывает специфику миграционных процессов, характерных для Кемеровской области, и сложившейся в регионе образовательной политики в отношении мигрантов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-06-00077а.

Ключевые слова: мигранты, образовательная политика в отношении мигрантов, русский язык как неродной, подготовка учителей русского языка как иностранного, методика преподавания русского языка как неродного.

Приток мигрантов на территорию РФ определил в современной образовательной практике сразу несколько проблем: при поступлении в российские школы у детей мигрантов возникают большие трудности с освоением учебного материала, поскольку обучение в школах республик и содружественных государств ведется в большинстве своем на родном для них языке; поступая в российскую школу, дети мигрантов несут с собой собственную, традиционно выстроенную систему этнических ценностных ориентаций. Конфликтные ситуации, связанные с непониманием особенностей русской культуры, с незнанием языка встречаются довольно часто.

Для Кемеровской области решение проблемы обучения детей мигрантов является одной из первоочередных, поскольку образовательное пространство региона формируется в рамках сложившегося сосуществования различных национальных групп. В области имеются образовательные учреждения, в которых процентное соотношение учащихся по национальному признаку равнозначно: русское население, таджики, азербайджанцы, армяне и др.

В феврале 2009 г. в школах Новокузнецка было проведено анкетирование, направленное на выявление численности детей мигрантов, обучающихся в каждой школе, трудностей, с которыми сталкивается ребенок в школе, уровня владения языком. Также нас интересовал вопрос, каким образом педагоги и администрация решают возникающие проблемы обучения и воспитания детей мигрантов.

По результатам анкетирования были определены основные проблемы, с которыми сталкиваются педагоги в обучении таких детей – это проблема адаптации в коллективе, языковой барьер, низкий уровень знаний при поступлении из школ СНГ, отсутствие терпимости по отношению к детям другой национальности.

Среди основных трудностей в процессе изучения русского языка учителя выдели следующие: незнание терминологии предметов, несформированность навыков монологической речи, непонимание объяснений учителя, проблемы понимания текста, проблема усвоения грамматики русского языка, небольшой словарный запас, проблемы в произношении, узкий литературный кругозор.

По итогам анкетирования 26 февраля 2009 г. в рамках традиционных Дней науки был проведен Круглый стол с представителями руководителей учебных заведений, главами национальных диаспор, преподава-

телями Кузбасской государственной педагогической академии. На этом мероприятии было принято решение о совместной работе Комитета образования и науки, педагогического коллектива академии и отдела общественных отношений администрации города по преодолению обозначившихся проблем.

С каждым годом в школу поступает все больше детей, слабо владеющих русским языком. Во всех школах проблемы с такими учениками решаются одинаково: через организацию дополнительных занятий, дифференцированный подход. Учителя признаются, что если в классе 2–3 ребенка слабо владеют языком, то это уже создает значительные трудности в обучении целого класса. Учителя не имеют представления о методике преподавания русского языка как неродного, основах поликультурного образования.

Обучение педагогов, планирующих работать с детьми мигрантов, является одной из важных проблем в области. Это связано с требованием в современной миграционной педагогике к профессиональной подготовке учителей, который должен понимать социально-психологические особенности учащихся-мигрантов, учитывать особенности их менталитета, иметь представление о миграционных процессах, характерных для России и региона, знать специфику обучения детей-билингвов, теорию поликультурного образования. В то же время в регионе растет количество взрослых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья, нуждающихся в языковой подготовке. С одной стороны, необходимы учителя для детей, с другой – преподаватели русского языка для взрослых. Неоднократно поднимался вопрос о создании программ по обучению педагогов для работы с мигрантами и их детьми. С 2010 г. подготовка педагогических кадров для работы с мигрантами осуществляется Кузбасской государственной педагогической академией. В 2010 г. на базе Центра языков и культур народов Сибири КузГПА были открыты курсы для студентов-филологов «Русский как неродной: лингвокультурологическая подготовка мигрантов и их детей в условиях современной образовательной практики».

Предложенная программа обучения учитывает методические наработки в этой области Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского политехнического университета, программы и стандарты Государственного тестирования по русскому языку иностранных граждан. Опыт работы с детьми мигрантов в условиях летнего лингвистического лагеря и практика преподавания русского языка студентам разных национальностей служит основой предлагаемого курса.

Студент, изучивший дисциплину, должен знать специфику профессиональной деятельности учителя русского языка для мигрантов; основные положения методики русского как иностранного; основную научную и учебную литературу по методике русского как иностранного; существенные проблемы миграции, связанные с различиями ментальности, традиций, религий; систему тестирования; уметь выбирать современные учебные пособия, пользоваться ими в зависимости от уровня, возраста профессиональных целей и мотивации мигрантов и их детей; планировать учебные занятия, составлять программы с учетом уровня владения языком обучаемых, особенностей их менталитета, традиций и религии; оценивать отбор и дозировку языкового материала с точки зрения трудностей, которые он представляет для определенной национальной группы учащихся; поддерживать мотивацию изучения русского языка и рационально использовать родной язык мигрантов.

Содержание курсов с учетом миграционных процессов, характерных для региона, и сложившейся в области образовательной политики в отношении мигрантов может выглядеть следующим образом.

1. *Актуальные проблемы миграционных процессов.* Понятие языковой политики. Языковая государственная политика РФ. Русский язык как средство межнационального общения РФ и как один из мировых языков. Культурно-речевая адаптация мигрантов и ее место в федеральных программах.

2. *Вопросы толерантности.* Толерантность и терпимость в русской культуре. Этническая толерантность и этнические стереотипы. Национально-педагогические традиции разных стран.

3. *Основы методики русского как иностранного. Общие вопросы русского как иностранного.* Уровни владения языком. Принципы коммуникативного обучения. Учебники по русскому как иностранному, система тестирования. Типовые тесты. Лексические минимумы. Сертификационные уровни: элементарный, базовый, I, II, III, IV. Тесты для получения гражданства РФ. *Аспектное изучение языка.* Обучение фонетике. Обучение лексике. Обучение грамматике. *Речевая деятельность.* Говорение. Слушание. Чтение. Письмо. *Текст как единица обучения.* Функции текста в учебном процессе. Отбор текстов в учебных целях. Работа с художественным текстом. *Урок русского языка как иностранного.* Организация первого занятия. Игры на уроке. Языковые игры. Ролевые игры. *Интенсивный курс русского языка как иностранного* [1, 2].

Работа с детьми новых соотечественников с учетом миграционных процессов региона. Миграционные процессы региона. Организация работы с мигрантами и их детьми. Психологические основы работы с детьми-

билингвами. Вариативность работы по русскому языку с детьми мигрантов. Организация обучения русскому языку детей мигрантов в условиях летнего лингвистического лагеря.

4. *Педагогическая практика* в летнем лингвистическом лагере для детей и подростков различных этнических культур «Белый журавль».

Студенты, посещавшие курсы в течение года, проходят практику в летнем лингвистическом лагере для детей и подростков различных этнических культур «Белый журавль». В июне 2009 г. стартовал пилотный проект, поддержанный Департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области, общественными организациями области. Основная цель лагеря – научить детей мигрантов свободно общаться на русском языке. Уроки русского языка, мастер-классы по прикладному творчеству, спортивные состязания, игры-тренинги, викторины, экскурсии в библиотеку города, кукольный и драматический театры, участие в проектной деятельности – вот перечень только основных мероприятий из программы лагеря «Белый журавль».

Система занятий по русскому языку для старшей группы основывается на логической последовательности получения расширенной информации из определенного раздела языкознания, разумном сочетании игры и научной информации. С младшими школьниками уроки проводятся с использованием разнообразных занимательных игр, способствующих эффективному усвоению лексики, фонетики, грамматики русского языка, а также развитию устной речи. Форма лингвистического лагеря позволяет решать еще одну значимую задачу – формирование этнической толерантности. Проекты «Фестиваль имен», «День национальной сказки», «Особенности национальной кухни», «Мой город», игры-тренинги с вожатыми разных национальностей помогают детям открывать многообразие культур, воспитывают уважение к традициям разных народов. Система работы с детьми мигрантов в рамках лингвистического лагеря была поддержана общественными организациями, администрацией области, и с 2011 г. лингвистический лагерь «Белый журавль» проводится в г. Кемерово.

Построить образовательно-воспитательный процесс, направленный на гармонизацию межнациональных отношений, сохранение мотивации к изучению русского языка и русской культуры мигрантами, возможно только при наличии в средних и высших учебных заведениях учителей и преподавателей, ориентированных на работу с данной категорией учащихся. Содержание специализированных курсов, ориентированных на учителей, планирующих работать с мигрантами, будет варьироваться в зависимости от миграционных процессов, характерных для региона, с учетом сложившейся в области образовательной политики в отноше-

нии мигрантов и их детей. В Кемеровской области образовательную деятельность в отношении мигрантов курирует Центр языков и культур народов Сибири КузГПА. В ближайшее время в регионе планируются курсы переподготовки для педагогов области.

Библиографический список

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. М., 2004.
2. Чапаева Л.Г. Социокультурный комментарий в преподавании русского языка как неродного // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Сер. «Филологические науки». 2011. № 1. С. 105–111.
3. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов. М., 2003.

22 ноября 2013 г. в МГГУ им. М.А. Шолохова прошла V Международная научно-практическая конференция «Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира», которая стала частью большого резонансного проекта «Москва – город грамотных людей», реализуемого университетом при поддержке Департамента образования г. Москвы. Традиционный осенний полилог научно-педагогического сообщества можно с полным основанием назвать форумом: конференция, по сути, стала открытой дискуссионной площадкой для ученых, преподавателей, школьников и студентов, на которой был представлен широкий спектр вопросов, так или иначе связанных с функционированием, развитием и изучением русского языка.

Приветствуя участников конференции, Мария Симакова, представитель Россотрудничества, отметила важность и значимость деятельности МГГУ им. М.А. Шолохова в продвижении русского языка как государственного языка Российской Федерации, одного из шести рабочих языка Организации Объединенных Наций, самого распространенного языка в Европе и второго по популярности языка Интернета.

Обращаясь к собравшимся, председатель Оргкомитета конференции доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшей школы, декан филологического факультета МГГУ им. М.А. Шолохова Н.Д. Котовчихина подчеркнула, что небрежное отношение к русскому языку и культуре в условиях современного полиэтничного и мультикультурного мегаполиса может актуализировать проблему безграмотности, за которой стоит угроза потерять национальную идентичность. В этих условиях, продолжила Н.Д. Котовчихина, особенно возрастает роль школьных учителей, преподавателей и студентов гуманитарных вузов в создании духовного облика России.

Необычным для нынешней, пятой, конференции стало тематическое разнообразие пленарных докладов. К.Я. Сигал, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, рассказал об одном крайне инте-

ресном периферийном (начальной стадии инновации) явлении в лингвистике – новом сочинительном союзе «плюс», функция которого «во многом спровоцирована поиском говорящими ... новых, нетривиальных средств выражения экспрессивного, подчеркнутого присоединения». Детальное исследование этого вопроса, по мнению ученого (замечу, кстати – выпускника филологического факультета МГГУ им. М.А. Шолохова), может оказаться «эмпирическим условием, позволяющим раскрыть функциональную и структурную специфику этой категории, с одной стороны, и понять ее генезис и синхроническую динамику – с другой».

Г.Я. Солганик, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, и О.Е. Воронова, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей и Союза журналистов России, начальник управления региональной политики Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, анализировали процессы изменения стилистической структуры языка газет, СМИ, а вслед за ними и литературного языка, следствием которых является перераспределение языковых средств. При этом докладчики отметили, что этот процесс характерен для всех европейских языков: суть «онароднивания» (vernaculation) языка заключается в том, что «официальный, ведомый всем язык становится менее официальным», и особенно ярко это проявляется в массмедиа. Однако, подчеркнули докладчики, естественные процессы развития языка не могут быть причиной и оправданием безграмотности и безответственности устной и письменной речи современных СМИ.

О важной миссии проекта «Москва – город грамотных людей» шла речь в выступлении Г.Д. Кузнецовой, начальника Департамента международного сотрудничества и связей с общественностью МГГУ им. М.А. Шолохова. В числе главных итогов второго этапа проекта были отмечены следующие: расширение границ проекта за счет вовлеченности субъектов Российской Федерации, привлечение к реализации важной государственной задачи специалистов и профессионалов в области журналистики, дизайна.

Во второй половине дня участники конференции продолжили общение, дискуссии и разработку совместных планов дальнейшего сотрудничества в секциях «Русский язык как общенациональное достояние русского народа», «Культура грамотности как современная проблема дизайна», «Славянская письменность: прошлое, настоящее и будущее». Символическим и знаковым завершением форума стал диалог научно-педагогического сообщества в рамках Круглого стола, к работе которого подключились в режиме онлайн наши коллеги из Анапы и Ставрополя.

V Международная научно-практическая конференция
Русский язык
в коммуникативном пространстве
современного мира

при поддержке
Департамента
образования
г. Москвы

22 ноября 2013, Москва

После обсуждения актуальных вопросов состояния грамотности в разных регионах страны, выявления общих и частных проблем, были подведены итоги проекта за 2013 г., названы имена победителей в номинациях «Коллекция надписей с ошибками», «Активная грамотность», «Грамотные города», «Социальная реклама», «Школьный плакат», «Астрахань – город грамотных людей».

Принятая конференцией Резолюция, адресованная правительственным, государственным, образовательным, информационным и другим структурам, предлагает комплекс практических мероприятий, ориентированных по повышению статуса русского языка как языка межнационального и международного общения.

1. Провести комплексное изучение состояния, функционирования русского языка во всех регионах Российской Федерации с привлечением к этой работе известных в стране ученых-лингвистов, педагогов, методистов.
2. На филологическом факультете МГГУ им. М.А. Шолохова проводить ежегодные семинары для учителей по актуальным вопросам изучения русского языка как национального достояния народов Российской Федерации.
3. Рекомендовать средствам массовой коммуникации усилить работу по повышению речевой культуры населения.
4. Продолжить проведение проекта «Москва – город грамотных людей» как перспективной формы повышения грамотности населения города Москвы и усиления внимания к вопросам грамотности и культуры речи.
5. Предложить методику проведения проекта «Москва – город грамотных людей» для ее распространения в других регионах России с целью усиления интереса к проблемам грамотности и культуры речи на территории Российской Федерации.
6. Проводить ежегодную международную конференцию, посвященную проблемам изучения, распространения и защиты русского языка с целью обмена опытом подобной работы в странах СНГ и дальнего зарубежья.
7. Регулярно издавать материалы конференций.
8. Продолжить творческие контакты со школами, ссузами, вузами, органами образования, Академией Наук Российской Федерации с целью разработки совместных мер по повышению грамотности населения.
9. Просить Департамент образования г. Москвы о создании комиссии с юридическим правом исправления ошибок в наружной рекламе.

10. Ходатайствовать перед Министерством образования и науки Российской Федерации о необходимости повышенного внимания к изучению русского языка и культуры речи в поликультурных регионах, начиная с дошкольных образовательных учреждений.
11. Необходимо определить меры ответственности рекламодателя через внесение дополнений о полномочиях местных органов власти в ФЗ № 38 «О рекламе» им ФЗ № 31 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».
12. Органам местного самоуправления рассмотреть вопрос о возможности создания общественного совета по отслеживанию качества текстовых вывесок и реклам.
13. Рекрутинговым компаниям при проведении отбора персонала шире использовать оценку грамотности кандидатов.
14. С целью повышения функциональной грамотности необходимо регулярно проводить «работу над ошибками» на объектах социальной инфраструктуры, шире использовать календарь знаменательных дат, связанных с русским языком, активно участвовать в проведении «Тотального диктанта».
15. Обратиться в Правительство Москвы с инициативой размещения серии плакатов о русском языке на общественных остановках города и в рекреациях образовательных учреждений города Москвы.

Т.Ю. Журавлева

Варенина Людмила Петровна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры иностранных языков, Московский государственный университет экономики, статистики, информатики. E-mail: luvaren@starlink.ru.

Воложанина Юлия Владимировна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета в г. Воскресенске. E-mail: sweetbox@bk.ru.

Журавлева Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской и зарубежной литературы, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: arhat_5@mail.ru.

Исакова Алла Наумовна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы МГГУ им. М.А.Шолохова. E-mail: Isakova.alla@mail.ru.

Кошечкина Инна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: mggu2008@mail.ru.

Кузьмина Марина Андреевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры иностранных языков, Московский государственный университет геодезии и картографии. E-mail: mkuzmina@mail.ru.

Кунавина Мария Сергеевна – аспирант кафедры англистики и межкультурной коммуникации Московского городского педагогического университета. E-mail: markunavina@gmail.com.

Лапшова Анастасия Валерьевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: an.lapshova@gmail.ru.

Манучарян Рубен Степанович – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: Manucharyan7@gmail.com.

Наволочная Юлия Вадимовна – аспирант кафедры педагогики и иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; ассистент кафедры педагогики и иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: miracle578@yandex.ru.

Руссу Анна Николаевна – аспирант кафедры перевода и переводоведения МГГУ им. М.А. Шолохова; старший преподаватель кафедры иностранных языков, Рыбницкий филиал Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. E-mail: arussu@yandex.ru.

Свиридова Лариса Константиновна – доктор филологических наук, профессор; декан факультета иностранных языков и международных коммуникаций, заведующий кафедрой теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: sviridova.l.k@hotmail.com.

Себрюк Анна Набиевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; ассистент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: anna1804@mail.ru.

Семина Мария Юрьевна – аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков МГГУ им. М.А. Шолохова; главный специалист, отдел международных отношений, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: semina.mariya2014@yandex.ru.

Сороковых Галина Викторовна – доктор педагогических наук; профессор кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков, Московский городской педагогический университет. E-mail: sorokovykh@mail.ru.

Сысоев Павел Викторович – доктор педагогических наук, профессор; заведующий кафедрой лингвистики и лингводидактики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. E-mail: psysoyev@yandex.ru.

Трофимова Наталия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры педагогики и иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: trofnatanat@gmail.com.

Чекун Ольга Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент; заведующий кафедрой педагогики и иностранных языков, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: checkun@mail.ru.

Яцуга Татьяна Егоровна – кандидат филологических наук; ведущий специалист Центра языков и культур народов Сибири, Кузбасская государственная педагогическая академия, г. Кемерово. E-mail: kitai2112@yandex.ru.

A. Isakova

The ideal of liberty and drama of freedom in S. Kunyaev's poetry

The author states that in Kunaev's poetry the issue of freedom is embodied through inner motives of hero's independence and his spontaneous involvement in the existential processes. Kunyaev's hero extracts the energy of formation and the will to improve from the drama and tragedy of life. The internal independence motive and spontaneous involvement in the flow of life is the core of the dialectics in Kunyaev's poetry.

Key words: Kunyaev's poetry, motive of internal independence in Kunyaev's poetry, national and historical problems, ideal of freedom, Russian centralism.

I. Koshevaya

About the correlation of forms and meanings of inner and outer speech

The article deals with revealing the speech as the second dynamical part of language matter from the point of view of its structure and functioning. Being based of the already accepted in linguistics division of speech into two spheres which constitute its essence – inner and outer, it is defined the forms and meanings that are applicable to each of them. Besides it is explained the reasons why sensates (as the words of the interjectional character) are inner by connected with the sphere of inner speech while the logical words are used in the conclusion items of the outer speech. In this respect the article demonstrates the role of the functional semantic dependence which is realized as the author's foreshortening in the sphere of inner speech creating the schematic model of this kind of speech on the base of correlation meaning that combine the inner speech with the object of thought. This dependence realizes with the help of subject perspective being represented by the meaning of electiveness that transforms the concentrated structures of inner speech into the stylistically completed structures of outer speech.

Key words: correlation, inner speech, outer speech, author's foreshortening, subject perspective, functional sense dependence.

M. Kunavina

Peculiarities of presentation of verbal forms in the process of tagline translation from english into russian

The paper presents the main ways of creating Russian taglines for original English movies and describes transformations elicited in the course of comparative analysis of morphological verbal categories in the process of tagline translation from English into Russian. Disclosure of typical functional and semantic peculiarities of the use of tagline as a separate genre of advertising slogan made the realization of this analysis possible.

Key words: translation transformations, tagline, slogan, verb, verbal morphological categories.

M. Kuzmina

Address as a part of the closed-in construction

In the article address is considered as a component of the closed-in construction of a dialogue, i.e. as a structural constituent of the construction based on three elements: beginning, kernel and finishing. The direction to the receiver who interacts with the speaker within dialogue is presented as the most important factor of the functioning of this construction. Possible variants of the influence of address on the process of the dialogue extension are presented with reference to the results of analysis of the functioning of address forms within the closed-in construction.

Key words: address, closed-in construction of a dialogue, beginning, kernel, finishing, communicative space, speech situation, direction to the receiver.

A. Lapshova

Correlation of Toponymy and Antroponymastics in Categories of Identify and Distinguishing

The article deals with the analyses of the connection within the sphere of onomastic units as the language signs defining the specifically named object. In order to define the common and differential features of these systems of words the categories of identity and distinguishing were used. Being put into foundation of the analyses of these systems the above mentioned categories let us to define movement from the antroponyms to the toponyms and the

recurrent movement from the toponyms, theonyms, astronoms and cosmonyms to the antroponyms. In this case the distinguishing as the narrowing character.

Key words: toponymy, onomastics, anthroponomastics, category of identify, category of distinguishing, toponym, astronym.

R. Manucharyan

Overtly marked Russian adjectives and their types from the linguistic characterologic perspective

The article establishes grammatical and lexical-grammatical peculiarities of Russian adjectives in comparison with adjectives in languages of several post-Soviet Republics. The selection of these languages is determined by sociolinguistic factors. The article can be interesting for teachers of Russian as a foreign language.

Key words: adjective, specificity of language, linguistic characterology, Russian relative adjective, special features of Russian possessive adjectives.

Yu. Navolochnaya, O. Checkoun

Development of a foreign-language written discourse of bachelors using social networks

The article is devoted to the problems of developing of a foreign-language written discourse. The authors consider history of the concept of discourse. In the article the attempt to assess efficiency of social networks' use as one of the ways of developing of a foreign-language written discourse is made.

Key words: discourse, social services, synergetic approach, attractor, subject discourse, agentless discourse.

A. Russu

Variant Forms of Anglo-American Verbs in Modern German

The article explores the problem of variance of loan Anglo-American verbs that have filled up the lexical fund of the German language in the last decades. The variant grammatical forms of colloquial verbs are analyzed here. Form variance of Anglo-American verbs in the German language is considered to be a natural process accompanying the development of a foreign language vocabulary in the recipient language. The result of this process is the use of grammatical forms of the verbs with varying degrees of assimilation, including hybrid forms.

Key words: variance, variant, loan word, Anglo-Americanism, verb, grammatical form, assimilation.

P. Sysoyev

Main directions of informatization
of a foreign language education

This paper addresses the issue of informatization of foreign language education. The author a) denotes the conditions of informatization of a foreign language education, b) defines the main directions of informatization of language education, c) considers the prospects of development of these areas.

Key words: informatization of education, information and communication technologies, language education.

A. Sebryuk

Anthroponomical representatives
of the African American community in English

The article is devoted to some specific features of Afro-American anthroponyms within their multi-aspect representation, which is expressed in the close connection between vernacular knowledge and regional onomastics. The representation of onomastic knowledge is provided by the system of phonological, syntactical, grammatical and lexical units. The author studies how the mindset of Afro-Americans is reflected on peculiar vocabulary, word-building and naming.

Key words: Afro-American English, anthroponyms, onomastic knowledge, anthroponomical representation, onomastics.

M. Semina, N. Trofimova

Translation methods of culture-specific vocabulary
from the English language into Russian
in the economic texts

The authors review two main kinds of economic words in English from the economic magazines which have no direct equivalents in the Russian language. Special attention is paid to the main translation particularities which are used for the competent translation of culture-specific vocabulary from the English language into Russian.

Key words: culture-specific vocabulary, economic text, translation methods.

G. Sorokovykh

Projecting creative foreign language educational environment of university as a scientific issue

The article presents the author's understanding of the creative educational environment of an educational complex and its special features at the present stage of education development. The article describes the essence of the development of the creative educational environment for the learner's personality formation. Special attention is given to the design of educational objectives as an important point of any project as well as projecting creative educational environment.

Key words: creative educational environment, individualization of education, special features of megalopolis, interactive technologies, self-development of a personality.

L. Sviridova

The category of identity in the process of comprehending the object

The article deals with the category of identity as one of the main linguistic categories with the help of which the conversion of speech forms into language ones takes place. The author supposes that this category has two forms of its expression. The category of identity is considered to be the stimulator of the language evolution due to usage of it for reflection of reality through the linguistic picture of the world. Thus the category of identity is represented as the complex phenomenon with the help of which the most adequate methods of object identification can be found.

Key words: category of identity, linguistic picture of the world, language, speech, speech situation.

L. Varenina

Methods of vocabulary expansion with the use of the semantics of english consonants

The article is devoted to the meanings of some English consonants and particular consonant combinations that possess certain connotations and suggests enlarging vocabulary based on this knowledge.

Key words: meaning of consonants, meaning of phonemes, consonant combinations, phonemes, semantics of consonants, learning vocabulary with the use of semantics of consonants.

Yu. Volozhanina

The decoding of the author's foreshortening
in the English limerick and epigram

The article deals with the process of decoding of the author's foreshortening in the limerick and epigram as two close genres of the English literature. In this respect the similar and different qualities of these genres which reveal the peculiarities of their construction on the surface and depth levels are analyzed. Special attention is given to the structural frame of limericks and epigrams and their plot perspective. The article puts an accent on the linguistic category of identity in the process of realization of the author's foreshortening.

Key words: limerick, epigram, structural frame, plot perspective, invariant, category of identity, author's foreshortening.

T. Yatsuga

Training the pedagogical staff for teaching Russian
as a foreign language: the experience of the problem solution
in Kemerovskaya Region

The article deals with the problem of the training professional teachers who have focused their work on the teaching migrant children. The suggested course program is organized for the students-philologists and named as "Russian as a Foreign Language: the Lingvo-Cultural Training Migrant Children in the Context of the Educational Experience". The course considers the specific features of the nowadays migration processes, which are specific for Kemerovskaya Region.

Key words: migrants, Migration Policy, Russian as a foreign language, training of teachers of Russian as a foreign language, methods of teaching Russian as a foreign language.

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Материалы направлять по адресу:

109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 225.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 1-1102 – Журавлева Татьяна Юрьевна, заместитель главного редактора журнала.

E-mail: arhat_5@mail.ru.

Редакция журнала не несет ответственности за точность цитирования и отсутствие ссылок на первоисточники. Мнение редакции может не совпадать с научной точкой зрения автора.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет
М. В. Кантакузен
Компьютерная
верстка
М. А. Трушкина

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «Филологические науки»
2013.4

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 20.12.2013 г.
Подписано в печать 21.12.2013 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,3 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.